

Бактыгуль Чотурова ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИССЫК-КУЛЬ

8.3.10.8
7-85

Бактыгуль Чотурова

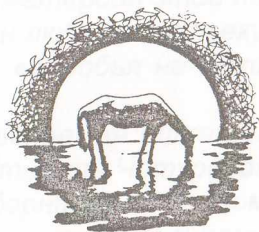
Легендарный Иссик-Куль

84К47.
Бактыгуль Чотурова 2.75.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИССЫК-КУЛЬ

Стихи и поэмы

Перевод Н. Пустынникова, Т. Осмонова

ИССЫК-КУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. В. И. ЛЕНИНА
№ 241510

«Бийиктик»
Бишкек — 2008

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-5
Ч – 75

Художник-оформитель
Кыял Аккучукова Тургунбек кызы

Чотурова Бактыгуль
Ч – 75 Легендарный Иссык-Куль. – Б.: «Би-
йиктик», 2008. – 160 с.

ISBN 978-9967-13-387-7

Б. Чотурова лауреат литературной премии имени Алыкула Осмонова. Автор шести поэтических книг.

В этой книге собраны стихи и поэмы о жемчужине Кыргызстана Иссык-Куле.

Ч 4702300200–08

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-5

ISBN 978-9967-13-387-7

© Чотурова Б., 2008.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

У литературных критиков есть мнение, что настоящий поэт выявляется в стихах о любви. Потому что тут не спасает никакой художественный фарс; Ведь надуманные чувства, фальшь распознаются даже неискушенным в поэзии читателем. Интимный материал этой лирики жизненно известен любому человеку, и здесь, как говорится, «воробья на мякине не проведешь».

Представляемая читателю любовная лирика Бактыгуль Чотуровой, автора нескольких сборников на родном языке, пока-зательна в положительном плане этого суждения критиков. Её интимная лирика интересна исповедальной искренностью лирической героини, правдивостью чувств и ещё неординарными художественными находками, не лобовым, но загадочным преподнесением читателю того, что хотелось сказать.

Бактыгуль Чотурова известна кыргызскому читателю. С русским читателем это первая встреча. Прошу прощения у неё за некоторые неточности перевода, хотя, как известно, идеальный перевод поэзии сделать практически невозможно.

Николай Пустынников

Глава 1

СТИХИ ДЛЯ ТЕБЯ

Перевод Н. Пустынникова

Как ты прав!

Что сулят мне, не знаю, и утро, и вечер.
Лишь тобою живу от зари до зари.
Ты шептал мне: «Никто в этом
мире не вечен,
Загляни в мою душу, собой озари».

Как ты прав. Ведь и я в этом мире не вечна,
Потому то и радуюсь чувству любви.
От тоски вековой – то, что жизнь
быстротечна –
Не уйти, хоть кого ты на помощь зови.

Молодой одиночеством мучиться страшно,
Всюду пары влюбленных, волнующих кровь.
Как огромные очи твои, так прекрасна
Чаша озера жизни – с названием Любовь.

Ниспослан ли ты был для меня?

Мне ты был ниспослан,
наверное, с радужным ливнем,
Меня обогревшим
в моем одиночестве зимнем.
Казалось, как будто бы
с Космосом я ласкаюсь,
Такого блаженства
не видела я доныне.

А может, ты был занесен
благодатным ветром;
Не спал до утра,
с багряным ушёл рассветом.
И я поняла,
что жизнь — это дар бесценный,
Лишь вот не успела
признаться тебе я в этом.

Есть тайна теперь у меня,
что мной завладела после:
Связь Неба с Землёю
узреть нам не так-то просто.
Есть лестница-сказка,
что соткана вся из песен,
...А может быть, Солнцем самим ты был
для меня ниспослан?

У реки

Оглушала река вековые ущелья...
Эти бурные воды теперь далеки.
Я тоскую порою, минувшему внемля,
О нашей встрече с тобою у этой реки.

Ты просил умоляя, чтоб чувство унынья
Изгнала я, была бы душою легка.
Эта просьба твоя сердце греет и ныне.
Помню: мысли текли, точно эта река.

И была в то время я рядом с тобою.
Не могу осознать даже через года,
Счастьем был этот миг или, может, беду,
Не способна была разгадать я тогда.

Правда ли, что лицо моё жило печалью
До тебя не сказал мне такого никто.
«Улыбнись!» – повторял ты с мольбой
изначальной.

Я ж забыла: улыбка? – а что это, что?

Как река дарит снежных вершин аромат,
Так и ты очищал мою душу.
Целый век это, кажется, было назад –
Явью, сном ли, что я не нарушу.

Вослед словам отца

«Не плачь над прошлым...

Для того и жизнь

Даётся нам...

Ты опытом гордись!»

Так говорил отец.

В душе моей

Застряли эти папины слова.

...Жизнь – океан...

Проплачешься едва,

Как тонущая женщина-вдова,

И миражи опять перед глазами –

Надежд твоих с дворцами острова.

Нечто о тумане

Какой большой над озером туман! –

Как облачный тяжёлый океан.

Но слышно, что под ним шумит волна.

И дальний берег виден – где-то там...

Такая же сумятица в душе.

Густой туман прижился в ней уже.

Давно печаль в глаза мои втекла –

Ни холода в них нынче, ни тепла.

Но я всем телом чувствую:

ВОТ-ВОТ

Любимый чистый свет меня охватит,

Изгонит сумрак, даст душе полёт –

Чем все мои страдания оплатит.

Серебряная ива

Без повода как будто мы сошлись,

Но радовались, глядя на дорогу,

Что нас свела, похожая на жизнь,

К какому-то единому порогу.

«Не жди меня – сегодня занята.

Но знай: твой сон нарушу я отважно.

И будет нас ласкать не темнота –

Серебряная ива – не однажды...»

Я слышу: листья ивы шелестят

Так ласково над нашей любовью!

Они, как я, в твой сон войти хотят

С тревожной и чарующею болью.

А может, ворох дел повременит?

Дел бесконечных, будничных, рутинных?..

Ведь ивушка скучает

и манит

Под шёпот листьев – сказочный, интимный...

Взгляд в прошлое

Когда листаем детские альбомы,
Встаёт воспоминаний целый ряд.
Хохочется, когда себя припомним,
Увидев свой наивный детский взгляд.

Твои глаза сегодня – просто море.
От шуточек твоих парит душа.
Что было счастьем – обратилось в горе...
Ушло бывшее, вот и не шиша!

Твой голос, лишь его уловит ухо,
Звучит как слово нежное «люблю».
Я замираю, я его ловлю,
Таинственно – без разума и слуха.

У всех народов в мире, всех людей
Всегда два слова есть сильнее смертей,
Которые всегда содержат новь,
Два эти слова: «Первая любовь!»

О Есенине

На столе – Есенина портрет.
Я дружна с ним вот уж много лет.
Кажется, что он влюблён в меня,
Ведь из глаз такой исходит свет!

В светло-голубых, как тёплый иней,
Есть в них всё, что мыслится Россией.
И из них — как будто из окна —
Смотрит далью любящей она.

Вечно не стареющий в стихах,
Все изъяны жизни он измерил.
И презрел пред тайной смертью страх:
Поживу, мол, сколь Господь отмерил!

А ещё он дорог потому,
Что сейчас вослед ему — ему! —
Пишутся стихи — как обо мне —
О загадке — некой Шаганэ.

* * *

Вселенную вобрав в свои зрачки,
Ищу тебя в ней утром и в ночи,—
Нет встречных глаз, которые меня
Объяли бы сиянием огня.

Напрасны даже лунные лучи...
Вселенная! —
Которой я полна,
Сверкни однажды пламенем в ночи,
Которым бы я сделалась пьяна!

В пути

Я ехала по берегу в раздумье:
Вот озеро... Оно – как наша жизнь.
В нём водные круги в ночь полнолуния
Берут разбег, как бы за мыслью мысль.

И думалось: как время быстротечно!
Как ты и я – и озеро не вечно.
Кратка жизнь человека:
 будто – просто
Висела колыбелька над погостом.

Пусть для тебя был жизни мир не светел,
Что в нём искал и ждал,
 увы, не встретил,
Пускай жилось раба любого хуже,
Но тот – загробный мир –
Тебе не нужен!

Но как бы жизнь тебя не обломала,
Про то идущим вслед не говори.
С улыбкою скажи – что обнимала...
Мы – их поводыри.

Тому, кто в моем сердце

Жизнь быстро в годы складывает дни.

Все нет тебя...

Я черт твоих не знаю.

При встрече я тебя не опознаю.

Луна!

При встрече нашей подмигни!

Я верю в свой – мой заповедный день,

Когда придёшь ты, может быть, как тень.

А может как огонь земного счастья,

Раздвинешь ночи тягостную сень.

Тебя ко мне дороги приведут,

Которые я выстелю стихами

Со звоном сердца.

Годы не сотрут

Их, выношенных долгами ночами.

Закон вселенной – он живёт и в нас,

Зовётся он Законом притяженья.

Извечны в людях притяжение глаз,

Двух душ похожих встречное движение.

Таинственный!

Когда же, наконец,

Моя душа с твоей душой сольётся?

Живёт во мне биенье двух сердец:

В так моему твоё сердечко бьётся.

Мы не ценили то, что нам давалось.
Мы выронили золото из рук.
Не разглядели счастье...

Рисовалось
Оно иным – без ревности, без мук.

Его, иное, взять стремились в долг.
Не ту любовь искали, оказалось.
Распались мы, когда не вышел толк.
И сердце с той поры притихло, сжалось.

Где молодость?..

Печалится луна,
Когда меня в окне моём находит.
Наверно, оба мы с тобой приходим
К раскаянью – неважно чья вина.

От заката до рассвета

Смотреть в глаза, в глаза твои – боюсь!
Лишь гляну в них – иною становлюсь.
Ну, не смотри так, милый, на меня.
То радость через край во мне, то грусть.

Я не могу смотреть в твои зрачки.
Кого винить?.. Мой милый, помолчи.
Я думала, что не приду к тебе.
Пусти в себя... Дай от любви ключи!

Ты руки отпусти мне... Отпусти.
Сжимаешь сердце с ними ты... Прости.
Вон солнце, что ушло, встаёт опять.
Чтобы любви дорогой нас вести.

В предзимье возле Арашана

На вершине, охваченной снегом,
Водрузилась луна.

И тоска
Накатилась татарским набегом...
Ветер гонит к земле облака.

Как увижу тебя на дороге,
В лунном свете,
Твой шаг окрылит...
Словно речка, летя по порогам,
Встреч тебе вмиг душа полетит.

Льёт в ущелье луна свет свой белый,
Заливает его молоком...
Что с того – тень моя больше ели!
Вся вхожу в твой зрачок...
Как в свой дом.

Препятствия

(шутливое)

В жизни столько препятствий...

Стеной

Вырастают иные... К чему?

«Что так плохо все в жизни со мной? –
плачут многие. – Ну, почему?»

Постоянно не знаешь, как быть,
то ли «да», то ли «нет» – гадай.

Обошла тебя чья-то прыть –
Покрепись, отдышись, вставай!

Не совершишь ты великих дел,
Раз препятствий не одолел.

Про таких говорят всегда,
Потешаясь, мол, «фрукт – не спел!»

И в любви – чёрт ломает ногу! –

Побеждает лишь тот, кто смел.

Выйди, милый мой, на дорогу –
Может, фрукт наш уже созрел.

* * *

Предаваясь счастливым минутам,
Жизнь ты видишь как свадебный той.
Но и в горьких смятениях – смутах
Остаётся она дорогой.

Сколько б в мире не жило людей,
И злодеев, и тех, кто голубит,
Интерес к этой жизни сильнее,
Если любишь того, кто не любит.

Слова Алыкула*

Жизнь трудна, – не такую поэт ожидал.
Предал друг, – ослепила глаза его влага.
Надломившись душою, он тихо сказал:
«Человек, как обманчив ты в людях,
бедняга!»

Доверяясь друзьям, он всегда понимал
Слово «дружба» как слово «присяга».
С болью в сердце поздней Алыкул написал:
«Человек, как легко ты изменчив, бедняга!»
В жизнь придя для любви,
Он – народный кумир –
Без препятствий не сделал и шага,
Сам создавший себе свой особенный мир...
«Человек, днём одним ты живёшь,
бедолага!»

* Той – празднество. (кирг.)

*Алыкул Осмонов – поэт, после смерти удостоенный звания Народного поэта Кыргызстана. (1915-1950).

Одиночество*

В одиночестве, поверьте, вы – ничто.
В одиночестве – не счастье, а несчастье.
Многие шептали мне про то,
Что придёшь ко мне ты в одночасье.

Я – свободна, я – живу собой.
Влюблена? – так разве что в стихи.
И они все связаны с тобой.
В ночь к тебе летят – светлы, тихи.

Серебро струя в моё окно,
Плавает бессонная Луна,
Тоже одинёшенька – одна...
Как тут я, – ей, знать, не всё равно.

Вот рассвет. Он изгоняет тьму.
Смотрят в даль уставшие глаза.
Верю я закону одному:
Всё ушедшее воротится назад.

Два урюковых дерева

К тем, что всё ещё меня любили,
Я везла тоску свою домой.
По дороге, искони родной,
Два урюка взгляд остановили.

* У автора название «Тропинка».

Холод и жара из года в год...

А они стоят себе упрямо.

Всё живое в мире пары ждёт

По примеру Евы и Адама.

Стоит ли над личным горевать?..

Показался мир таким счастливым!

Захотелось руки целовать,

Что деревья эти здесь растили.

На ветвях – как бабочки – цветы...

Горы, небо – не хватает зренья...

Что за прелесть! – посмотрел бы ты...

Невозвратна Жизнь, но вечно время.

Ночное озеро

Ты – заповедник мой, ты – свет в ночи.

Сияют звёзды так, что хоть кричи!

Ты залит, словно золотом, луной,

Роднящей космос с аурой земной.

Ты, этим тайным светом околдован,

Изнеженной шуршишь своей водой,

В которую уйти бы с головой,

Теплом её омолодиться снова.

Исполнен света сказочной луны,

Ты, кажется, и сам того не знаешь:

С твоим величием звезды не равны, -
Вобравший все, ты ярче их сияешь.

Едва нагнусь я к ласковым волнам,
Чтобы водой священной умыться,
Игриво волны шлёпнут по рукам,
И я смеюсь, —

Как будто это снится...

Не озеро, — ночная сказка... Тут
Впадаешь в негу в лад с озёрной негой.
Дороги — те, что нас сюда ведут, -
Зацеловать бы все,
Под вечным небом.

Лунная дорожка

Вот лунная дорожка...- предсказанье
Счастливых дней увидевшим её,
Впадающим в наивность, в ожиданье
Того, что вот и сбудется твоё.

Пусть луна сулит дорожку нам
Счастливую — по жизненным волнам...
Но знаю я, что не увидеть мне
Такой дорожки ясной — где-то там...

Дерево у пляжа

Стояло одинокое оно
На берегу, укрытое листвою.
Его надеждам сбыться не дано, —
Век жить ему наедине с собою.

От вечера к рассвету торопясь,
Вновь пережив полночный неуют,
С судьбою одинокою мирясь,
Оно живёт, и листья солнце пьют.

Идя в коттедж, я думала о нём,
Ответ искала: в чем его вина?..
И сердце грустным наполнилось огнём.
Я шла себе — одна,
одна,
одна...

Волны

Волна, балуясь, мчится за волной,
Весёлой, шаловливой, озорной.
Я открываю им свои объятия,
Впадая в детство, счастлива игрой.

У ног моих проносится одна...
Лизнув песок,
себя назад откинув,

Как будто цели заданной достигнув,
Куда-то вновь торопится она.

Я вслед гляжу, вся зависти полна
В том, сколь вольна и как сильна
В движении к цели...

Вот бы научиться
Такой же быть бесстрашной, как она.

Золотой мост

Ночь. Тишина. Угомонились волны.
Как зеркало, гладка, блестит вода.
Вдруг с берега того, луной исполнен,
Мост золотой стремглав пролег сюда.

И захотелось по нему помчаться,
Разбрызгивая в беге искры звёзд,
С желанием – с тобою повстречаться,
С надеждою – «Ты создал этот мост!»

Я эту мысль, как бы суру, твержу.
Луч золотой скользнул ко мне, слепя.
Я одержимо на него вхожу –
Его начало, может, у тебя?

Исповедальное

Ах, теплые объятия Ыссык-Куля!
Как я хотела вас, как я ждала
Свидания под солнышком июля,
Чтоб отошла душевная жара.

Как редко душу открывала я,
Боясь людей, себя в себе тая.
Любимый мой, прошу тебя – растай!
С тобой одним
И ад приму за рай.

Нет глаз таких – похожих на твои,
Далёких от искусственной любви.
Вон шепчут волны, чтобы ты пришёл.
Они готовы обратиться в шёлк!..

Душа моя – она как некий храм.
Ты не изгой в нём,
Я всё поняла...
Зовут вершины – не пойду к горам! –
Куда роднее – нежная волна.

Чертоги чувств

Любимый мой, теперь меж нами тьма.
Покоя нет в чертогах чувств, ума.
Тоска снедает душу, как туман,
Который есть то, что чуждо нам.

И стала вмиг Вселенная тесна!
Вернёшься ли?
Жизнь сделалась пресна! –
Как бы зима, что бабочку сгубила
Иль ввергла в спячку, – будет мол, весна...

Несутся дни – и ветру не догнать!
Вперёд несутся мысли, но и вспять.
Судьба моя! Зачем ты обязала
Меня сироткой быть в толпе вокзала?

Хочу вскричать, рукой махнув: « Отстань! »
Спалила душу, выела тоска.
Но сердце всё ж – как раненная лань –
Кровоточа, ещё живёт пока.

Дорога снов, надежд моих, потерь...
Я всё твоя! –

Любимый мой, поверь!..
Печаль моя не умерла во мне –
Бежит волной моей к твоей волне.

Перевод Т. Осмонова

Одинокое сердце

Закат печальнее зари,
Прекрасный мир придёт, уйдёт,
Текут мои беспечно дни,
Кто грусть мою теперь поймёт?

Ах, сколько рядом разных, их...
Но солнце лишь со мной, одно,
Ах, жизнь, в ней больше, чем любви
Мне одиночества дано.

Ищу я, с сердцем говорю,
Кто он – таинственный, родной?
Как Алыкул воспел в те дни
«Лишь он – мой Иссык-Куль – друг мой».

Пусть гневна у других судьба,
Но чувствую, что я найду
Свою весну, свою любовь,
Я снова сердцем жить хочу!

Наш мир – художник, посмотри

Наш Иссык-Куль – любви глаза,
Как молодости милая пора,
Как неизбывная в тебе тоска,
Как светлая любовь моя...

Тоскую: – где минута та?
В душе вздымается волна,
Как песня наша – без конца
Картина – не дописана.

Бежит без усталости волна,
Как будто ждёт её мечта,
И солнце смотрит с неба вниз,
Её ресницами паля.

Песок раскалён до красна
Его огнём – здесь тайна вся?
И на песок – чуть из воды –
В блаженстве падают тела.

Зарыться, ах, в такой песок –
Прекрасно! – мыслей странных ток,
Из тысячи, как мякоть, дней
Лишь этот день – как дивный сок.

Он создал всё, как быть должно,
И краски времени отдал,
Вселенную вмести в зрачок,
Красу всей жизни показал.

Макнув как будто кисть в родник,
Без остановки он творит.
Он создал вечность, он велик –
Наш Мир – художник, посмотри!

Твоими смотрит на меня глазами

Озёрная заря, лучами брызжа,
Разбудит вновь меня, а небо — сине,
Тоскую я, и волны, это видя —
Мне с ветром шлют привет —
прозрачный иней.

Смотрю я из окна на тихий берег,
И вновь во мне всплывает «наше» время.
Сравнишь ли человека и природу?
Жизнь человека для неё — как семя.

Нас разделяют километры, горы,
Нас разделяет жизнь — ей всё равно,
Мы думаем о завтрашнем сегодня,
Но жить нам в одиночестве дано.

Ах, Иссык-Куль, как прежде... Не изменчив,
Он брызжется солёными слезами.
Я чувствую, по ком душа томится,
Твоими смотрит на меня глазами.

Я хотела всё забыть

Бегу в объятья шумных волн,
Чтобы забыть мне обо всём —
О выживании, борьбе,
О миражах и чем живём.

Околдовало ты меня,
От счастья светится душа,
И, тело ласково обняв,
Воркует тёплая волна.

Ныряю и плыву, ликуя,
Ах, этот день я так ждала.
Ты должен видеть, как целует
Мне это озеро глаза.

Люблю твои волны

Кто только ни любил тебя,
Мой Иссык-Куль, ты всем – звезда.
Тебя как нежные слова:
«Жизнь», «Мама» – я люблю всегда.

Луч солнца – словно серебро,
И белых чаек хоровод
Кружит над гордою волной,
Людей здесь – тьма, невпроворот.

Встреча вечера

Тени наши парюю идут,
Вечер мы встречаем у воды,
Пенится волна и там, и тут,
Как свобода ветреной судьбы.

Небо, чтобы видеть лучше нас,
Облака разгонит пред луной.
Сидя на песке, ты мне дарил
Всё тепло улыбкой звёздной той.

Мы не ценим счастья тех минут,
Вот уже теперь мы вновь одни,
Как в душе догнал ты годы те?
Неразрывна нить любви-тоски.

В жизни день есть – он ценнее всех,
Тайны все раскрыв, открыли душу,
Сокровенное лишь спрятав далеко,
Вместе в прошлое отправились, где лучше.

На закате солнца диск багров,
В зелени травы цветочков синь,
Пусть целует мне глаза наш вечер,
И, купаясь, разреши мне попросить...

Синяя рубашка

С улыбкой ты сидел на берегу
В рубашке цвета озера тогда,
А за деревьями дорога мимо шла,
Что нас с тобою привела сюда.

Каким прекрасным этот вечер был!
Смеркалось, будто флёр воздушный плыл

Лишь утка одинокая плывёт
Как – будто волны на ристалище зовёт.

К тебе я прислонилась – почему? –
Глядя ей вслед, всё утопив в зрачке,
Когда тоскую я – то озеро встаёт
В глазах моих – рубашки синь во мгле.

Грозное озеро

С тоской пришла к тебе, мой Иссык-Куль,
Просить стихи в вечерней тёмной мгле,
Но ты ворочался сердито в темноте,
Как кем-то проклятый, хрипя, стонал во сне.

Быть может, кто обидел здесь тебя?
Зла не держи на тех, душой кто злой.
Природа вновь спасёт тебя, любя,
Очистит и излечит, даст покой.

О, Озеро – веков наследство нам,
У них я криком вновь спросить хочу:
Зрачком ли предков ты нам богом дан?
Остановись, волна, тебя молю!...

Но быстро убежала та волна,
Не слыша голоса, ответа не дала.
Но хмурит брови Озеро, сердясь,
Прошу тебя, волна, прости меня...

Как этим вечером ты изменился весь!
Ты разъярен! Ты в гневе! Ты сердит!
И с Ветра ты сбиваешь воли спесь,
А в глубине как тьмы исток сидит!

Пусть. Ладно. Успокойся... Я приду
Лишь завтра, чтоб в красу твою нырнуть,
Чтобы глаза мне целовали твои брызги,
И пенистой волны твоей коснусь.

Дороже твоя дружба мне любви

Пусть молодость осталась далеко,
Откинув мелочи, мы за руки взялись,
Сильнее глаз влюблённых – твой кивок,
Дороже твоя дружба мне любви.

Но ты, с любовью глядя, говоришь
И просишь песню о тебе сложить,
Но берег наш весенний позади,
А ты зовёшь опять к нему идти.

Что я могу? И как мне всё вернуть?
Забыв о возрасте своём, куда идти?
Есть тайна жизни – нас она сильнее,
Ах, знать бы лишь, что ждёт нас впереди...

О, знает кто, что ждёт нас впереди?!
Как гладь воды пред нами жизнь лежит,
В душе пусть каждый будет молодым,
Но к берегу прийдёт нас наша жизнь.

Солнечный Нооруз

Весну встречает мир! Весну встречает!
Огонь он раздувает! Всё обновляет!
Жизнь, как река бурля, всё затопляет!
И у меня год сгинул? Что ж, бывает!

Пришёл Нооруз – трава зазеленела,
И молоко теснит опять коровье тело.
Без устали народ – весной за дело.
И пот по лбу течёт – трудись умело.

Народ в широком поле Весну зовёт,
На лошадях подъедут: « Где сумёлёк?»
Так празднуют здесь люди – рады все,
В Нооруз хотят все счастья – нет беде!

И рада я как все, средь всех брожу,
Как озеро волнуясь, тебя зову.
Нооруз мне путь откроет, как солнца луч.
И ты придёшь сквозь волны, тебя дождусь.

Иссык-Куль – озеро Алыкула

Воспел наш гордый Иссык-Куль
В стихах прекрасных Алыкул.
Вы – ценность для меня одна,
Моей поэзии душа.

Я вновь стою на берегу
От вас привет ему шепчу,
Не виден берег мне другой,
Мой стих бежит к нему волной.

Волнуется, лежит оно,
Любви и тайн своих полно.
Как Вы, воспеть я не смогу
Его величие, красу.

Волной вздымается душа,
Любви и радости полна.
Я через столько долгих лет
На берегу ищу Ваш след.

Прошла неделя. Уезжать
Пора ... Нескоро здесь гулять!
Но имя Ваше, как звезда,
В душе моей горит всегда.

Ты не встретишь так

Знает озеро: – я снова здесь одна –
По следам моим, затопленным тоской.
И бегут, мерцая, вдалеке
Волны стройною своею чередой.

Словно ждали, милые, меня,
Что-то ласково они бормочут мне.
Я иду у озера одна
Чувствуя тепло в его песке.

Надо всё узнать о жизни нам, –
Говорил ты – но не встретишь так.
С озером расстаться? Никогда!
Не хочу отсюда уезжать.

К твоим далёким синим берегам.
Ах, Иссык-Куль, какая прелесть ты!
Как свято место, где ты родилось!
По солнцем раскалённому песку
Иду, как в детстве, снова босиком.

Бросаюсь с наслаждением в тебя,
Взлетают брызги, как твои стихи,
Что Алыкулу ты дало тогда,
Бессмертие твоё на них лежит.

Целует мне лицо твоя волна,
Печаль смывая ласкою своей,

К твоим далёким синим берегам
Летит любовь над прелестью твоей.

Хочу остаться оттого одна
И никого не видеть никогда...
Ах, это лето! Эти вечера!..
Как редко дарит счастье нам Судьба.

Камень

Летит прохладный ветер над тобой,
Когда ещё приехать я смогу?
Как Алыкул любил тебя!.. Пстой!
Дай камень мне на память – увезу.

Он часто твоё имя повторял,
С тоскою по тебе он умирал.
Я камень у портрета положу,
«Поэт,— сказав,— вот, Иссык-Куль прислал»

И, может, он услышит шум волны
И чаек крик, и ветра лёгкий стон?..
А, может, заскучает камень наш,
Запросится к тебе опять, домой?..

Нет-нет, всегда боюсь таких концов,
Чем кончится история моя?
Я жизнь люблю «сейчас», а не «тогда»,
Прощай, мать – Озеро, я камень не взяла.

Прощай, мать – Озеро, здесь каждый
камень свят.

Не вынесу его тоски к тебе.
Словами лучше я уму скажу,
И поцелую за тебя портрет.

Твои глаза глядят всё на меня

Не знаю я, что завтра меня ждёт,
Твой образ вижу... Как мне дорог был...
«Судьбы не бойся – всё придёт – уйдёт», –
Склонившись, тихо ты мне говорил.

Я знаю, что от смерти не сбежишь,
И от любви я не сбегу никак.
Как ни старалась я тебя забыть,
Стоят предо мной твои глаза.

Пусть бродят люди рядом – тут и там –
Как в одиночестве томиться нелегко.
Твои глаза глядят всё на меня,
И озеро лежит, любви полно.

Как разбросаюсь – кто всё соберёт?

Как озеро хочу увидеть я!
О, горы, расступитесь для меня!
Веди меня, дорога, дай мне силы, –
Из пошлости туда, где даль светла.

Бежит по озеру кудряшками волна,
И скачут блики солнечных лучей.
Напоминает мне опять тебя
Бездонная вселенная моя.

Вновь чувство манит издали рукой,
Иду опять я к ней, святой тоске,
Я образом твоим не обманусь,
Чтоб душу сохранить свою в себе.

Как разбросаюсь – кто всё соберёт?
Лишь ветер ласковый прильнёт к щеке.
А конь летит наш в завтра, всё вперёд,
Как в сказке детской, нас везёт к Судьбе.

Где вплетены в судьбу честь и любовь.

Я счастлива, что песни я пою
Прекрасной жизни, которую люблю.
И свят мой Бог, что сотворил меня,
Я – Человек, и этим я горда.

Законы жизни нам не изменить-
Они превратны и полны потерь,
Но все равно, добро здесь победит,
Пусть зло сильно, добро сильнее – поверь!

И там, в дали, Он, на весах судьбы,
Великий Бог наш, нас рассудит вновь,
И там есть и согласие, и достаток,
Где вплетены в судьбу честь и любовь.

Для трудностей рожден ли человек...

На остром лезвии молодости ты,
Не кайся над ошибками, смирись,
А дни ошибок под контроль возьми,
Чтоб эти дни опять не повторить.

Слова отца в душе моей всегда –
Они звучат во мне, по ним живу.
Добро и зло – уроки для меня,
И я судьбу за то благодарю.

Уходит молодость – и вот, стареем мы,
Но, зная жизнь свою, её люблю,
А кто поможет в трудный день? – Никто,
И сердце плачет снова по отцу.

Печаль гнетет, на сердце пустота,
Бессчетно мысли кружат в голове.
Не может человек понять свой мир,
Для трудностей рожден ли человек?

Тоска

Не хочет от меня отстать тоска,
Как ни стараюсь убежать.
Дорога, что тебя прочь увела,
Устало дышит, а в душе печаль.

Мы не ценили жизни красоту,
Мы не отвергали счастье свое.
Не сохранили золото в руках,
Теперь тоскуем, когда всё ушло.

Как будто мы просили счастье в долг,
Не ту любовь ловили и не так,
Когда срок службы ревности прошел,
Ушел ты, а со мной тоска.

Уходит молодость – неполная луна,
Оценит кто – чем жизнь порой ценна?
Лишь что-то начинаем понимать,
Но ты ушел уже – в душе тоска.

Белый свет

Смотри... Как будто вижу груз тяжелый,
Над озером лежит густой туман.
Но плещется там, под горой, волна,
Тот берег светел – сон ли это, явь?

В душе моей нет света, только боль,
Лишь черный душу затопил туман.
Печаль в зрачки мои втекла, стоит в душе,
Но не видна она в моих глазах.

Как радостен мне белый чистый свет,
Он как надежда мне, на что ищу.
Туман печальный ложью затопил,
От мыслей темных я его бегу.

Я словно чувствую всем телом – нет, не сон.
Виденье это – правда, правда, суть!
Я верю! – Есть добро, как белый свет,
Он жизни зла прогонит мрак и муть.

Закат, похожий на рассвет

В глаза твои я не смотрю, в глаза,
Как посмотрю в них, будто изменяюсь.
На слове, милый, не лови меня,
Я знаю – не обидишься – уйду.

Не видеть мне твои зрачки, зрачки,
Кого ругаю я до сей поры?!
Когда – то думала, что не приду к тебе,
В любовь свою мне сердце не запри.

Ты руки отпусти мне... отпусти...
Сжимаешь сердце с ними ты мое,
Как солнце, что ушло, встает опять,
Любви дорога снова нам поёт.

Крючок

«На базаре тысячи людей,
Но в толпе любимых не теряют» –
Как базар все эти наши дни,
Но печаль меня не покидает.

Незаметно в сердце ты вошел,
Заперся крючком внутри, таясь.
Ты волшебным кажешься, другим,
Они видят образ твой в стихах.

Словно выросший в душе моей чинар,
Я ласкаюсь у тебя в тени.
Ты советчик, друг, мой дорогой,
Хоть не виден образ твой другим.

Любопытные пусть спросят: «Кто же он?»
Пусть от зависти у них сгорят глаза,
Не отвечу я на их вопрос,
Не открыть крючок им никогда.

Вселенной, заполнившей мои зрачки

Всю Вселенную вмещу в свои зрачки
И среди неё ищу тебя.
Бесконечность, бесконечность, из неё
Твоих глаз лучи обрызгают меня.

Я иду туда, где льют лучи,
И следа нет от усталости во мне.
Как благодарить за всё её,
Ту Вселенную, заполнившую меня?!

Время, когда мы не знаем

Есть чувство, что так баловало нас,
Что выделяло нас двоих из всех.
Его зовут Любовь или другое,
Но это лучше, чем любимый стих.

Хороший стих стрела не одолеет,
И саблей острой не перерубить.
И если сами ценность не уроним,
Не смогут и за золото купить.

Но чувство чудное, что выше всех стихов,
Откуда оно? – Сердце замирает.
«Будь верен берегу», – твержу я всякий раз,
Жизнь редко ошибается, прощает.

Поддержит Бог нас, может, если мы
Удержим чувство то, не замараем.
Но вижу я – нам как-то недосуг,
Ему мы цену до сих пор не знаем.

Я на тебя застенчиво кошусь

Себя я обманула невпопад –
«Вся наша жизнь – Вселенная стихов»,
И пусть простят, кто в гости вдруг позвал,
Мне б отдохнуть от жизненных оков.

Но есть те встречи, лучше коих нет –
Дни чтения стихов: с радостью иду,
Со всеми за руки здороваюсь, сажусь,
И на тебя застенчиво кошусь.

Я слушаю тебя, но прячу взгляд,
И каждый стих твою душу ворошит.
Хотела б я из следа Кайберен
Глотнуть твой каждый светлый чистый стих.

Сиянье глаз твоих так велико

Сиянье глаз твоих так велико,
Но молодость прошла, я изменилась.
Застенчиво смотрю я на тебя,
Ты недоступен, с этим я смирилась.

Но хватит унижений! Сколько раз
Мне говорят: «Наладится потом»,
Пусть далеко – ласкаюсь я к тебе,
Сиянье глаз твоих так велико.

Сиянье глаз твоих так велико,
Хочу, чтоб видел ты меня всегда.
Не знаю, направляюсь ли я или нет,
Но бьется в пламени любви душа моя.

Дороги

Дороги зовут к тебе,
Когда выхожу, торопясь,
Препятствия держат путь,
Цепляясь за каждый шаг.

Дороги зовут к тебе,
Все мысли тобою полны,
Твой норов вспомнив вдруг,
Улыбкой глаза зажглись.

Дороги напомнят тебя,
Тоску по тебе призовут,
И держит за руку тоска,
Со мной продолжая путь.

Дороги как звезды ведут,
По ним узнаю я путь.
Но чувство сильнее меня,
Куда заведет мой маршрут?

Весь мир из чего состоит?
Свободы лишает что?
Какой я дорогой пришла?
И вновь уведет меня что?

Сердце чувствует, ум где молчит

Моим сердцем командует ум,
Жить с умом я б хотела всегда,
Но ворвалась вдруг в сердце любовь,
Не успел смех уйти никуда.

Если б сердце водилось умом,
Я б рассветы встречала всегда.
Ценность лучшего бы сберегла,
С счастьем встретиться бы смогла.

В жизни дни всё текут чередой.
Сердце чувствует, ум где молчит.
Верно предки про то говорили:
«Кто знать может, где счастье лежит?».

МАНАСЧИ

(баллада)

**посвящается памяти великого сказителя
Саякбая Каралаева**

Кыргызы издревле ведут
Историю свою, храня
Наследие отцов своих,
Чтоб донести его до нас.

Что сохранило свет души?
Века сменяются веками,
Эпохи грозные прошли,
Как снег, ушедший пред дождями.

О, это он – Манаса дух,
Которым полнится вся грудь.
Язык наш миру стал известен,
Пускаем корни вширь и вглубь.

Весь мир пусть знает о тебе,
Народ мой, памятью крепки,
Парят в небесной высоте
Твои орлы, твои сыны...

Мы с именем «Манаса» идём
На смертный бой – крепка душа,
То имя в песнях мы поём,
В горах великих ты всегда.

И песня та всегда живёт
В душе кыргыза – оберег –
Когда беда в наш дом войдёт,
Она нам чести яркий свет.

В дороге жизни всяк следит
За благами рода своего,
Но есть народы без корней,
Как ты ни бейся за него.

Мои кыргызы всем грозны,
Годами громоздят века,
Манас ушёл – мы не одни –
Осталась песня навсегда.

Как во тьме кромешной, свет свечи –
Бездушным вкладывали душу –
О, сколько было Манасчи!
Века их песни не разрушат.

И я раз слушала Его,
«Он – светоч» – люди говорили,
Но оказался он простым,
О нём легенду так сложили:

* * *

Грозны отроги гор крутых,
Парит в небесной сини птица,
Молчит гранит, лишь шелестит
Берёза, листьями клубится.

Вершины гор стоят в тиши,
Лениво облака плывут,
Рассвет бросает вверх лучи,
И в мир прекрасный нас зовут.

В ущелье, с палкою в руке,
Овец спокойно пас пастух,
Он смел, без боязни в душе,
Хоть мальчик мал, но к страху глух.

Всё чище небо – синь светла,
Уж полдень скоро – благодать,
На камень он удобный сел,
Чтобы в тенёчке подремать.

И овцы в кучу сбились все,
Чтобы поспать в тиши, как он,
Он оглядел их, не спеша,
И вдруг увидел яму он.

Что это – сон или не сон?
Загадка? Блажь? Или слеза?
Он думал: явь или обман?
Себе не веря, тёр глаза.

И смотрит всё – опять, опять,
Чуть ближе, зорко, не спеша.
Мир замер весь вокруг него,
Вокруг сплошная тишина.

Он камнем встал, не знал как быть,
Откуда яма здесь? И как?
Хотел поближе подойти,
Но сил уж нет... А вдруг обман?

Луч солнца вихры теребит,
И жарко уж ему в тиши,
Но в удивлении он стоит,
И птица вдруг летит пред ним.

Он испугался, задрожал,
Пришёл в себя и весь дрожит,
От головы до ног трясёт
Его то, что «не может быть».

В нём билась мысль: «Подойди
И в яму загляни скорей...»
И ног босых дрожь уняв,
Приблизился он тихо к ней.

И словно знал – здесь тайна вся –
К борьбе готов он стал тогда –
Пред ним горят огнём глаза –
Он ждёт атаки на себя

Он в яме. Двигается вперёд.
Глаза уж свыклись с темнотой.
И, кажется, что кто-то есть –
Молчит и смотрит на него.

И, страшной темноты боясь,
Ни звука он не слышит здесь,
И тело замерло тогда –
В глаза свои собрался весь.

Из рук он палку уронил,
Он думал: «Кто здесь? Кто пред ним?»
Пощупал – полки на стене,
Кто сделал их? Следит за ним?

Собрался с мыслями тогда,
Не страшно ничего ему,
Собравшись, руку он суёт
На полки: «Что там? Почему?»

На деревянной полке той
Стоял ряд книг – он их узнал,
Вдруг тело хладное змеи
Почуяв, чуть он не упал.

Он пулей отлетел назад,
Себя не помня, как стрела
Из ямы вылетел, и здесь
Уж уходя, пришёл в себя.

Но яма, волшебством полна,
Из мыслей не уходит прочь.
В груди теснило всё, дрожа,
Ворочался он с ней всю ночь.

И встав пораньше, снарядясь,
Он к двум друзьям пришёл своим.
Всё рассказал им, и нашлась
Забава всем друзьям троим.

Что детской дружбы есть сильнее?
Пошли, об этом говоря;
Вопросы, разговоры, смех,
Как сказка яма им была.

Носами шмыгая, пошли,
Меж ними тайна – яма та,
Бежали наперегонки –
И вот на месте – где она?

Но ищут... Так и не нашли.
Что делать?.. Мыслей не собрать,
Так, зная, всё ложь, что говорил
Им он?.. вопросы без конца...

Найти надежды уже нет.
Угрюмо на него глядят,
И, думая – всё ложь, обман,
Друзья пошли все по домам.

* * *

Лишь «Это» в голове его,
Забыл об играх, о друзьях,
В душе тревоги хоровод,
Как тень он стал – ни встань, ни сядь.

В душе он верил: чудо есть,
Но где оно – нигде? Везде?
О, горе, где же чудо есть?
И вдруг увидел «всё» во сне.

Так дивно, что сойдёшь с ума,
И ветер бесится в ушах,
Пьют соколы из родника
Где плещут ярко жемчуга.

Летит искринка, чей полёт
В ночи зигзаг рисует свой,
И ярких нитей хоровод
Осветит лес и нас с тобой.

«Когда Манас от нас ушёл
Портрет из камня сделан был,
Но тело закопали где?
Никто не знает – в этом быль».

Так слышал он от стариков,
Легенда вспомнилась тогда,
И дальше – больше он узнал,
Почувствовал, где правда вся...

И мысли в мальчике бродят,
Он чует враг где, а где тыл,
И дальше хочет он идти,
Туда, куда зовёт Батыр.

О, избранные... Не просты...
С улыбкой он идёт вперёд,
И чует сердцем, что ему
Навстречу человек идёт.

Задумавшись вдруг замер он,
Что вдруг открылось? Что узнал?
Вспотевший тут проснулся он,
«Манас!!!» – вдруг громко закричал.

Лишь вспомнит о Манасе он –
В груди теснится – места нет,
В глазах горит оно огнём –
То чувство, что несёт нам свет.

Ныряет в озеро стихов,
Взлетает птицей в даль небес,
Как дождь, вдруг льётся из него,
Грудь разрывая, песни весть!

Такого нет нигде в миру,
Чтоб лилась песня, как река,
Он святость находил везде,
И сам молился ей всегда.

Он в вере своей всё хранил,
Всю жизнь народа нам сказал,
И каплями здесь каждый век
Под звук эпохи добавлял.

Грохочет горною рекой,
Теченьем всё неся с собой,
И день и ночь – и стар, и млад,
Забывшись, слушают его.

Неисся кеелю богат,
Словами камни разбивал,
Века, века за ним следят,
Чтобы о них он рассказал.

Издревле на слова богат
Язык кыргызский – он велик,
В «Манасе» всё – для нас он свят,
Для нас он – меч, для нас он – щит.

Он стягом предкам нашим был,
И каждой строчкой он велик,
Утеряно, о, сколько их!
Но глубже... стали все они.

Песком текут, текут слова,
И слушаешь – течёт слеза.
Вы – Манасчи – отцы, деды,
Легендой стали вы для нас.

Пропахло тело песней всё,
И вера гордая в груди,
Никто как вы не смог пройти
Искусства дивного пути.

Лишь у кыргызов рождены,
С кыргызами лишь вам идти,
Пусть на вселенную гремит
Талант великий – Манасчи!

Глава 2

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ
ИССЫК-КУЛЬ**

Дочь озера — мать кыргызов

Поэма-легенда

Переводы **Николая Пустынникова**,
подстрочный перевод **Таалайбека Осмонова**

(сказ по мотивам народных преданий)

Дни рождают годы и века.
А века сменяются веками.
Хочет заглянуть моя строка,
В сказы, что идут за стариками.

В то, что нынче, как бы позади,
Вместе с нами движется вперёд.
Шум веков – как шум речной воды,
Никогда от нас не отстаёт.

Вечна кровь музейного клинка!
Вот она – истории река...
Ах, кыргызы! – кровь несметных войн –
В руслах наших кровеносных пойм!

Из веков на нас – как монолит! –
Некий воин призрачно глядит.
Монумент из далей тысяч лет –
Он вселяет в нас надежды свет.

Караван сказаний – долг путь
У него сонмища веков.
Все сказанья объясняют суть:
Счастье жизни – в жизни без оков.

* * *

Из глубин народных к нам пришёл
Сказ о том, как в давние века
Хан Огуз – истории строка –
Сел на трон,
Точней сказать – взошёл!

Тюркские народы – побратимы.
Хан Огуз отцом стал тюркам всем.
Нет путей, что неисповедимы...
Взгляд Огуза мог расплавить шлем!

За спиной – был Карахана род,
Веривший в предсказанное свыше:
«Сын родится... Тюркский весь народ
Заживёт с ним под единой крышей».

Был обычай: как родится сын, –
Годик жить без имени ему.
...Срок пришёл.

Подарки как калым,
Сыпались по поводу сему.

И, собрав старейшин на совет,
Хан, святым обычаям вослед,
Попросил достойное отцов
Имя дать рождённому на свет.

Всем сначала должно помолчать:
Ведь не шутка – имя дать на век...

Не успел мудрейший глаз поднять,
Как младенец сам сказал за всех:

«Дайте имя мне – Огуз, отцы,
Чтоб от Бога был бы я силен!»
Вздروгнули тогда все мудрецы,
Про себя подумав: «Ох, умён!»

Что сказать? – расширились глаза:
Чтоб дитя себе давало имя? –
Не было такого... Чудеса!..
Как Аллах такое вот воспримет?

Но смекнули: кто как не Аллах
Карахану дал мальчика такого!
Встрепенулись, презревая страх:
«Назовём – Огуз! Святое слово...»

Не ошиблись... всякий удивлялся,
Как вырослел он – беркутом в сетях! –
Малышом – не как дитя смеялся,
В играх – бился с саблею в руках:

Вихрем по степи в седле летит –
Юноша, играющий клинком,
Всех джигитов истинный джигит,
Бьёт из лука в цель, разит копьём.

Не сидел в жару в тени деревьев,
Не сидел в тепле в морозный день,

Жил, не зная, что такое лень...
Вырос – не батыр, но сущий лев!

Ханом он – в отцовских стремянах –
Всем собою защищая землю,
Как отец, стал тюркским племенам,
Тем, кого душой своей объемлют.

Он объединял единоверцев,
Горы и равнины проходил.
Сизогривый волк всего был сердце –
Символ Родины, единства тюркских сил.

Свыше века царствовал Огуз,
Удивляя всех величием, славой,
Счастлив был его племен союз,
Ставший для врагов вулкана лавой.

Женившись на дочери солнца,
Имел трое сыновей Огуз хан.
И дал им небесные имена:
Ай хан, Күн хан, Жылдыз хан.

Прошло еще несколько лет,
Кто знает ... какими судьбами?
Угуз встретить радушный любовь,
Это дочь озера – пери.

Огуз хан женился второй раз,
Та, которую навек он полюбил,
Родила сыновей ему:
Кёгёй бий, Тагай бий и Кёлёй бий.

Пир горой устроил Огуз-хан. —
Он теперь не хан уже — Каган!
Славою немножко опьянён,
Ведь для всех он стал богатырём!

Средь каганов — главный он Каган.
Все рвались взойти на этот трон.
Но мечты, сродни которым сон.
Для иных — не более, чем сон.

Истинно ли счастлив был Огуз?
Смяв других, что покорились нам,
По ночам не хмурился ль Каган?
Всех побед не мучил тяжкий груз?

Индию прошёл он и Тибет.
Был он даже в Сирии святой.
Чуть не весь увидел белый свет —
Из небес мерцающей звездой.

Про него — таинственного льва —
Есть легенда, в нас она жива.
О, кыргызы, кто же вас родил? —
Сказочные есть о том слова...

* * *

Лев Огуз любил охоты гон.
Выехав с друзьями как-то, он
Ускакал в неведомые дали
И увидел озеро – как сон!..

Водоём – для глаз необозрим! –
Ослепил его сияньем вод.
И вдруг чудо вспыхнуло пред ним –
Луч златой, возникший из глубин.

Это чудо, вырвавшись из волн,
Рассиялось, – глаз не оторвать!..
Как бы заколдованный,

 вдруг он
Возжелал рукой тот луч достать.

Он достиг его, идя водой.
Луч сиял, указывая путь.
Шёл Огуз – как будто бы судьбой
 увижимый,
Скользил к нему как ртуть.

В месте встречи с ним
 увидел он
Водную загадочную пери.
Красотой он так был поражён,
Что глазам и верил, и не верил.

Что в ней скрыто – бог иль сатана? –
Мир земной, небесная ли высь?
Все загадки в ней переплелись.
Вся лучилась тайною она.

Был отцом той девушки Простор,
Обрамленный высью наших гор,
Берегущих сказочный узор
Всех долин, ущелий и озёр.

Пери – дочь Хозяина воды –
Предрешила путь его судьбы.
Но об этом есть особый сказ,
Где уже иные «как» да «бы».

Город был на месте этих вод.
Налюбоваться им никто не мог.
Но царствовали в нём и ложь, и зависть,
И вот печальным стал его итог.

Тут жил джигит Иссык,
Жила здесь дева Куль,
Влюблённые друг в друга как буль-буль.
Прорезались их чувства с детских пор,
Не трогали их ссоры и раздор.

Все знали, что Иссык – лихой джигит,
Не только за себя он постоит.
Он в дружбе был всегда опорой верной,
А Куль казалась сказочною серной.

Но рядом жил богач, скупой и злой,
Бесчувственный, всегда на всё готовый,
Лишь бы карман его был не пустой...
Любовь считавший не достойной слова.

Он, жизнь свою богатству подчинив,
Всё остальное мыслил как наив.

Но раз, спеша к домашнему порогу,
Он встретил Куль,—
И подвернул он ногу,
Сражённый этой девы красотой...
«Женюсь!.. Богатые всё могут!»

И приступил к деяниям подлец.
«Женюсь!.. — кричит, — о чем вести
тут споры?»

Пришлось Иссыку с Куль исчезнуть в горы —
В пещере жить, пасти чужих овец.

Бай в ярости им вслед послал погоню —
Своих головорезов, чтоб убить!

Бедняжки, всю свою являя прыть,
Взбежали на скалу —
Но где себя укрыть?..

Тогда они вдруг прыгнули во тьму —
Наперекор несчастью своему...

О молодость! Что есть сильнее любви?
Влюблённые погибли... Но они
Так тяжело ударились о землю,
Что треснула она...
И вот ночью темью
Горячая и свежая вода
Из-под земли фонтанами взвихрилась –
И озеро на белый свет явилось!

Так и назвали – Иссык-Куль – его,
Чтоб знали все: любовь – она бессмертна,
Как и душа людская – беспримерно
Способна жить в других, презрев врагов.

Любовь есть жизнь!
Ее не победить.
Занесший меч над ней
Не мыслит мудро...
Как солнцу, ей дано всегда всходить
Над всей Землёй,
Даруя людям утро.

Не в подтверждение ль этому – из вод
Неслыханной красоты возникла дева,
От «Иссык-Кульского» явившаяся древа –
Родителей, погибших от невзгод?

Любовь есть жизнь...
Вот маленький росток

Взрастает на глазах,
И в одночасье
Уже стоит отвагою высок,
Как хан Огуз, свое узревший счастье.

Она ждала его в своих мечтах.
И вот оно – свидание!.. Свершилось!
Не верилось... Всё в мире изменилось –
Предстало в ослепительных чертах!

Он от неё не хочет отходить.
В глазах – порыв всю землю взять
в объятие!
Любовь и хана может победить.
Так не она ль наш главный хан, хоть
в платье?

Вдруг волны поднялись, и вышел к ним
Хозяин этих вод,
И с радостным участием,
С глубоким чувством ласковым своим
Стал обнимать, благословлять на счастье.

В благословенный этот божий миг
Весь мир вокруг торжественно притих.
Взял на руки Огуз свою невесту...
Шептались волны, провожая их.

А с неба солнце сыпало лучи,
Путь двух влюблённых златом устилая.

На берегу батыры-силачи
Их ждали, хана свита удалая.

Всё для невесты было словно сон...
Вот дрогнула земля под скакунами,
И Иссык-Куль зашелся плеском волн –
Как будто аплодировал волнами...

* * *

Сорок дней и столько же ночей
Пир гремел на родине Огуза.
Счастье в доме – это не обуза.
Нет лучшей доли для людей.

...Годы шли, и счастья прибавлялось,
В гору шли Каганские дела.
Словно Девой Вод всё направлялось...
Трёх сынов кагану родила.

Все в отца... Отцовская порода.
Старшему – на зуб не попадай.
Чтоб он был опорой для народа,
Дали ему имя – бий Тагай.

«Будет пусть, как озеро, мужчина,
Умным, добрым, любящим людей».
С этой мыслью для второго сына
Хан придумал имя – бий Кёлёй.

Младшего назвали – бий Кёгёй,
Вера в светлую его звезду,
Чтоб он был защитником людей,
Чтоб пылало знамя на ветру.

Из веков –
Из уст в уста –
До нас дошли
Утвержденья: три кыргызских рода
От сынов Огуза изошли...
Он и пращур нашего народа!

От Тагая – правое крыло,
Левое раскинул бий Кёлёй,
Внутренних возглавил бий Кёгёй.
Может, так оно и быть могло?

Старший, белый, жизнь в горах прожил,
Средний, синий, в приозерье жил,
Младший, красный, дал народу ханов...
Зря народ такое б не сложил!

Знамя синее полощется в ветрах.
Это знак достоинства, не вызов,
Знак великого, живущего в веках
Сильного народа – всех кыргызов.

Как строку спешит сменить строка,
Так и поколения – друг друга.
Меньше нас не стало за века,
Не случилось замкнутого круга.

Желтые страницы – как завет,
Плачут кровью древние скрижали.
Сколько сабель скрыто в толщах лет,
Сколько вы, кыргызы, испытали!..

Выстояли, – стало быть, крепки,
Стало быть, в нас корни сильных предков.
Как бы беды были нелегки,
Зло добром мы поражали метко.

Издревле в народе повелось
Знать родню свою в седьмом колене.
А не знаешь – значит, на авось
Ты живёшь и скатишься к измене.

Любо нам, что наш народ грехи рыл,
Озеро – нам оберег, как мать,
Что спасает от недобрых сил,
Лечит душу – матери под стать.

С тысячью надежд в себе, как мать,
Сколько переслушала волхвов!
«Береги себя, – тебе ль не знать:
Есть куда ты, народ – здоров!»

Тяжёлые приходят времена –
Мутнеет разум, холодеют жилы...
Ведь на земле твоей идёт война
За каждый кустик, годный для наживы.

О нет, не гости это, а свои,
Чья сущность – жадность, страсть
обогатиться

Любой ценой...

Что с озером случится –
Им все равно... Они ведь «короли»!

Лет через двадцать этак, может быть,
Нам негде станет чуточку проплыть,
Не заплатив за это ни копейки
Скупившей пляж богатенькой семейке.

Ведь скоро станет: даже и лицо
Не сполоснуть бесплатно, не умыться.
Да, мы гордились славою отцов –
Каким богатством нам теперь гордиться?

Неужто все свихнулись на деньгах?
Не пляжи нынче, а сплошной базар.
Не держатся иные на ногах.
Везде окурки, мусор... Перегар!

Мать – Озеро... Ужель о ней забудем,
Поистерзав заветное своё?
Прошу... кричу: «Нет! – только не её!..
Да как же так –
Мать продавать мы будем???

О Иссык-Куль! – как вихрь, душа моя
Летит к тебе... ВОССТАНЬ!..

И стань
Еще светлей и глубже!
Как без тебя прожить?
Ты так мне нужен!
Да и не только мне
А всей Земле!

Люди, услышьте крик о помощи
ИССЫК-КУЛЮ!

КРАСАВИЦА И ЗЛОДЕЙ

По преданьям седой старины,
Иссык-Куль – это место, где мы
Жили в городе солнечно – ясном –
Побратиме Помпеи несчастной.

Из камней дорогих минареты
Взгляд ласкали зимою и летом,
Пели птицы, звенели ручьи...
Много сказок о городе этом.

Есть такая вот...
Вдруг, в одночасье,
Ночью лунной
С небес – на несчастье –
Ирод некий на Землю спустился –
Город теменью сразу покрылся.

Тот пришелец дымящимся взглядом
В этом городе выхватил деву –
Красоты, уподобленной древу,
Что должно быть меж раем и адом.

Надо ж было такому случиться:
Захотелось злодею жениться!
И родители девушки скоро
Увезли дочь-красавицу в горы.

Дело ясное: злыдень взбесился ,
Стал все рушить... Доколе он злился,

Изувечен был сказочный город:
Смят громами, огнями распорот...

Но возлюбленной не было в нём,
И тогда он метнулся огнём
В горы, их разрушая как смерч,
Грохоча: — «так примите же смерть!»

С этим криком схватил он скалу
Как поднял — непостижимо уму! —
И швырнул эту тяжесть на город,
Смерти жаждая всем и всему!

И скала, улетевшая вниз,
Проломила под городом землю,
Из которой на свет прорвались
Воды, некогда скрытые тенью.

Где был город — сплошная вода
Возлежала теперь, и над нею
Солнце вспыхнуло — как никогда! —
А луна сразу стала бледнее.

А в горах — в тишине, вышине, —
Созерцая возникшее море,
Заливалась слезами от горя
Та беглянка — в напрасной вине,
Что понравилась вдруг сатане.

Слёз поток устремлялся туда,
Где уже не витали и грёзы...
Не с того ль в Иссык-Куле вода
Солона и кристальна, как слёзы?

И взошла вдруг большая Луна,
И, жалея печальную деву,
Опустила к ней лесенку к небу,
Что из лучей сплетена.

До сих пор, может, смотрит с Луны
Эта девушка в лунной печали
Из космической глубины
В Иссык-Куля глубинные дали?

ЗАГАДОЧНЫЙ ХАН

История – загадочный магнит...
Любой рассказ о прошлом нас манит.
Вот Иссык-Куль... тут город был когда-то.
Дно озера его ещё хранит.
О нём все наши старцы говорят:
Да, город был... среди его оград
Дверей двенадцать было...
В граде том
Жил хан один – не отпиривший дом.

Он жил от глаз народа взаперти.
И как-то раз народ решил войти
К нему, чтоб увидеть хотя бы раз
И ханский лик, и выражение глаз.

Но неприступны стражи, хана бдя...
Народ кричит: «Хан, покажи себя!»
Но не выходит к людям странный хан.
Народ вскипел, стал будто ураган.
Он стражу смял и хлынул во дворец –
Нехорошо, конечно: стыд и срам...

Вдруг смельчаков назад отбросил страх,
Утих в глазах кипевший ураган:
Пред ними было чудище – не хан! –
Осёл с кабаньей мордой в волосах!
Все обомлели: – «Господи, прости!
Вот почему сидел он взаперти!»

Но в страхе диком бросились к нему,
Чтоб зарубить – не зная, почему.

Тут крикнул кто-то: «Голову его
В колодец бросить лучше бы всего!..»
И кинули... но тут же онемели –
Фонтан воды ударил из него! –
Да не холодной! Сущий кипяток
Прорезал высь...как бы какой-то рок
Обрушился на головы невежд...
Не в назиданье ли
Дан этот был урок?..

Погибли все...
А кипяток всё шёл...
Вдруг озеро – как детские глаза –
Так засияло – высказать нельзя! –
В долине трав, сверкающих, как шёлк.

...Наш тёплый Иссык-Куль! – возможно, он
В укор убийцам хана был рождён...
Загадочно: людская слепота
Дала нам то, чему сиять всегда.
Похожа так на сказочную воду
Живая иссыккульская вода!

Здесь солнышка закаты и восходы
Такие краски озеру дают,
Что даже чайки, кажется, поют,
А не кричат –
В плену такой природы.

Здесь на любом вечернем берегу –
Озёрная ласкающая свежесть.
Здесь в золотом песке такая нежность,
Перед которой нынче мы в долгу.

О, Иссык-Куль! Земли моей зрачок,
Что смотрит так внимательно и мило
На всё вокруг... как вечный звездочёт,
Он знает всё
О том,
Что есть и было.

Шагая здесь, я словно бы лечу
Во времена легенд...

Душой кричу:
«Спасибо, предки! –
Вы – пускай случайно –
Осуществили в нас
Свою мечту!»

РОГАТЫЙ ХАН

В далёкие – далёкие века
Средь гор киргизских, город был, пока
Не появился тут жестокий хан.
Легенда есть о нём...
Она горька.

Он зверем был...
Убить? –
Да хоть сейчас!
Любого, кто попался на глаза...
Все избегали этих страшных глаз,
Которые не трогала слеза.

Его окаменелая душа
И всех людей за камни принимала.
Не потому ль в надлобье, не спеша,
Его душа рогами прорастала?

Боялся он огласки: «Хан рогат!»
Кто знал о том – в живых не оставался.
Цирюльник новый – как ползучий гад –
Без промедленья новым заменялся.

А у одной вдовы единственный был сынок,
Который – на беду себе! – не мог
Вдруг не подстричь того, кто в нём
нуждался...

Он ханского приказа не заждался.

Пришла пора ему идти туда,
Откуда не возвращаются никогда.
Легко понять родительскую долю –
Старушки-мамы, съеденной юдолюю.
Превозмогая тяжкое рыданье,
Ей, видно, так дышалось глубоко,
Что вдруг её щёки – горю данью, –
Иссохшие, вдруг дали молоко.

И женщине как будто кто-то свыше
В её беде подсказку дал неслышно.
И вот она три хлеба замесила
На молоке своем и попросила,
Чтоб хану сын отнёс их в угощенье.
...И сын исполнил мамино прошение.

Хан первую лепёшку надкусил,
Понравилось... И снова откусил.
Потом ещё, ещё... И незаметно
Сполна он хлеба этого вкусил!

«Кто хлебопекарь?» – вскинул хан глаза.
И мальчик всё как было рассказал.
Хан ухмыльнулся: «Что ж, теперь мы братья
Молочные... одна у нас стезя!..
Но как умна родившая тебя –
Перехитрить она меня сумела!
Искусно так придумала и смело...
Пусть просит всё, что хочет для себя.

Но есть одно условие, собрат:
Обмолвишься едва, что я рогат,
Родству со мной, тебя я уверяю,
Ты никогда уже не будешь рад!
Но если проболтаться невтерпеж
Вдруг сделается...

Вот совет:

Ну, что ж,

Беги тогда к колодцу во дворе,

Кричи в него...

Сам крика не поймёшь!

И стал цирюльником у хана мальчик тот –
Слугой волос его, его бород,
Молча о ханских чертовых рогах,
Что каждый раз в нём вызывали страх.

И всё ж однажды он не утерпел:
Открыл колодец, побледнев, как мел,

Он раненым оленем закричал:

«У хана есть рога! О, знайте все!

У хана есть рога! Узнайте все!»

И снизу вдруг – как пуля из ружья –

Влетела, свистнув, водная струя!

Бурля, как праздник, хлынула вода,
Резвясь, как вечной резвости беда,
На город спящий... Быстро утопила
Дома, людей, бегущих – кто куда...

...Вдруг стих поток,—
Как будто это Бог
Стерпеть той вакханалии не смог.
Стал город водной гладью, но к закату
В нём каждая волна была как рог.

...Прошли года.
А жизнь — она движенье.
Теперь в озёрном лоне отраженьем
Любуются берёзы и арча...
Курортный край... Земля здесь горяча.

Мне кажется, что в мире нет сейчас
Такого озера, какое есть у нас,
Снимающего боли и невзгоды...
О, колыбель! — святые наши воды!

Ты, Иссык-Куль — как мама милосердна.
Столь сказок о тебе — не зря, наверно.

МУДРЕЦ, СПАСШИЙ НАРОД

Наш Иссык-Куль –
Он словно бы наградой
Был нашим предкам,
В зное жившим здесь.
Ведь неслучайно вовсе,
Не для склада,
В сказанья наших роковой усладой –
Да, это так! –
Всегда колодец есть.

Ещё один рассказ...
Он о колодце тоже.
В далёкие века
Моим народом сложен,
Он – как колодец древний – не угас,
Не высох,
И ещё питает нас.

...Был город-крепость,
где все задыхались
От зноя и от хана...
Этот хан
Был нелюдим –
Какая-то нелепость
Среди людей:
Скволыга, грубый хам!

Такие и среди нас
Сегодня есть,
Не знающие слов:
Долг, совесть, честь.

В том городе
Не жизнь была – бедлам!..
Один на всех колодец был...
Хан-хам
Лишь избранных
К водиче допускал.
...К людскому счастью,
Даже он не знал,
Что в городе ещё колодец всё же,
Покрытый тайной от владыки, есть,
Что кем-то свыше
Спрятан, заморожен...
И тих – как уготовленная месть.

Хранителем его
Был некий старец,
Бог весть откуда взявшийся
Скиталец,
Который знал:
Пока терпящим жажду
Нельзя давать воды
И ни на палец...
Он знал о тайне
Этого колодца:
Его вода –
Всем смертью обернется!..

Он просто людям дал
Такой совет:
«Идите в горы,
Там ручьи и снег,
И влажная трава...

Пустым оставьте город,
Чем кончится —
Узнаете вы скоро...»

Проклятия народа
Как-то ночью
Дошли до хана,
Смерть ему пророча.
Ещё не ведал он,
Что город пуст.
Стояла тишь —
Не шелохнется куст...

Меж тем, тот старец мудрый
Той же ночью
Встал над колодцем тайным
И во мгле
Прочел молитвы
Небу и земле...
И вскрыл колодец,
Что был заперт прочно!

Ударила вода —
Вольна, смела!..
С пути вдруг старца этого смела!..
Вот почему
Он всех отправил в горы,
Чтоб ни одна душа не умерла!..
В пучине захлебнулся хан спесивый...
Ну а народ, который спас мудрец,
Стал жить и жить на озере красивом!..
Ну, вот и всё...
Сказанию — конец.

О БЕЗДЕТНОМ ХАНЕ И ДВУХ ЕГО ЖЁНАХ

Сказанья все – уж так заведено –
Берут разбег со слов: «Давным-давно...»
Но, чтоб не повторяться, в этот раз –
«Жил-был...», – начну я древний пересказ.

Итак:

Жил-был богач в своём дворце,
Бездетный хан – с печалью на лице.
Все сорок жён из сорока родов
Не понесли ему любви плодов.

Верблюд бы не поднял его печаль...
Был мёд, не мёд ему
И чай – не чай...

У старшей из его бесплодных жён
Был «Свод советов»...

Хан был поражён,
Когда открыл его и обнаружил
Совет, в котором так нуждался он!

Прочтя его, хан стал стены бледней.
«Есть дева Гульсара... Кто женится на ней –
Шептал богач прочитанное им –
Тому она родит двоих детей».

Хан возликовал... Как заново родился!
Не мешкая, на поиски пустился!
Изъездил всю великую долину...
И с радостью в глазах он воротился!

В его седле была с ним Гульсара...
Не радуйся, читатель, – жизнь хитра!

И зажили они... Но вдруг война
Нагрянула, превратностей полна...
С джигитами почти на целый год
Муж Гульсары отправился в поход.

В отсутствие супруга Гульсара –
Предсказ свершился –
Двойню родила.
И мальчика, и девочку...
Но часто
Бывает, что, пришедшее в злочасье,
И счастье вдруг становится несчастьем.

Так и случилось... Старшая жена
Вскипела злобой... Крикнула она
Слугу, что был немой, без глаз – как глыба:
«Украсть младенцев!..
Бросить в реку – рыбам!»

Но есть Бог: детей хранит всегда...
Их на спине своей несла вода.
Один старик, увидевший такое,
Не допустил, чтобы стряслась беда.
Но женщина, родившаяся злой,
По книге – предсказательнице той –

Узнала, что младенцы не погибли.
Подумала и вскрикнула: «Постой!..»

Опять слугу зовёт, что камня тише.
Велит у старика украсть детишек.
Исполнил всё как надо раб немой,
...Вдруг слух прошёл: хан движется домой!

Тогда, коварства лютого полна,
Метнулась к слугам старшая жена
Отдать приказ: « Гоните Гульсару!..
Блудница в этом доме не нужна!»

И выгнали её... Почти нагую,
Оглохшую от горя, без детей...
Кому нужна она с бедой своей?

Пошла она, горбятся — как старуха.
И слышит вдруг шептание на ухо:
«Всё кончено... Зачем такая жизнь?
Колодец вон... Нырни... и примиришь».

Бедняжка так и сделала...
Когда вернулся хан,
Он сразу спросил:
« Как Гульсара?.. Кто? — дочка или сын?»
И женщина откликнулась: « Да-да! —
Их сразу двое... Только Гульсара
Тут не при чём... Пришла моя пора
Родить тебе, хоть я уже стара...»

Так блеяла, как тихая овца,
Убийца – с чёрным сердцем подлеца.

« А Гультара?» – опять воскликнул хан.
«Сбежала... Помахала ручкой вам».

Тот усомнился в этом... Но когда
Детей увидел, всякая беда вдруг отошла...
Он искренне поверил
Той, что жила с ним долгие года.

О, знал бы он, детей своих любя,
Змея какая в душу ей вселилась!
Она, к колодцу тайно приходя,
Заглядывала внутрь и веселилась.

Живут же люди, столько натворив!
Легко живут, под ложечкой не гложет,
Считая совесть – как простой наив...
Но жизнь и правда – не одно и то же.

Как часто враг – совсем не из чужих.
Он на тахте твоей, как свой, лежит.
Ты веруешь – судьба его накажет!..
Он изворотлив – вовремя сбежит.

Но есть, конечно, случаи не в счет...
Чтоб доказать легенду, остаётся
Как раз добавить, что однажды чёрт
Той бандерше гаремной у колодца
На плечи прыгнул... Ведьма не сдаётся!

Но тут её ошпарила вода,
Из недр земных рванувшаяся лавой.
И вскоре не осталось и следа
От города с былой когда-то славой.

...Как жаль детишек бедной Гульсары!
При виде иссыкульской детворы
О них всегда здесь, думается мне,
Когда двух чаек вижу на волне.

О БЕЛОЙ ЗМЕЕ
И ГОВОРЯЩИХ ПТИЦАХ

Легенда, хоть наивна, ну и что ж,—
Во всякой сказке смысл бывает всё ж.
Ну вот, к примеру, эта пред тобой...
Быть может, из неё
Ты что-то извлечёшь.

Жил в древности один известный хан.
Оберегая свой высокий сан,
Он справедливо все дела решал.
Народ его не льстиво уважал.

Обмолвимся: где нынче Иссык-Куль,
Тут город хана этого лежал.
Загадочно, что этот хан, как Бог,
Знал всё вперёд,
Что знать никто не мог.

Неведомая сила берегла
Его и от болезней, и от зла.

Он был всегда неуязвимо смел,
Хоть жил как все, с народом песни пел...
Одно лишь в хане этом удивляло:
Он как-то странно, необычно ел...
С гостями отобедав, он потом
Всех провожал и закрывал свой дом.

Все домочадцы знали, что к нему
Слуга, имевший белую чалму,
Потом вносил увесистую чашу
С едою, не известной самому.

...Так время шло.
Года легко летели...
Все люди в ханстве вдоволь пили-ели.
А хан всё так же, как бы неприметно,
Тайком кормился пищею секретной.

Чужих людей на кухню не пускали.
Кто повар – люди этого не знали.
Доверенный слуга – известно –
парень ловкий.
И ханский служка той же был сноровки.
Он как-то раз с загадочною чашей
Не миновал своей родной кладовки.

Он крышку снял, твердя себе: «Нельзя!»
И тут увидел: белая змея
Варённая, покоится в посуде...
Он хватъ её, опять шепча: «Нельзя!...»
Во всех нас есть святая простота, -
Змея лишилась быстренько хвоста!..
Досель не нюхал сладости такой
Прислужник хана, хоть и не простой...

И только он поел, как птичьи речи
Вдруг превратились в говор человеческий!

И тут же света бешеного сноп
В один момент его сшибает с ног!

Он падает, не зная: сон ли это? –
Откуда столько хлынувшего света?..

И понимая, что попал в капкан,
« Я буду нем! – кричит. – О, сжался, хан!
Нигде я слова не скажу о том,
Что ты владеешь птичьим языком,
Питаясь мудро белою змеёю...
А я лишь раз попробовал её!»

Хан понимал, что лучше никому
Не знать бы тайны, ведомой ему.
Он так ценил, что балаболки-птицы
Всё донесут, как легкие девицы.

Но всё же он доверился рабу,
Что тот – секрет не выдаст и в гробу.

Вдруг выпал день...
У наводившей гляncy
Супруги хана перстень вдруг пропал.
Она вскричала: « Эй вы, оборванцы,
Кто изумрудный перстень мой украл?!»..

Того слугу и выставили вором,
Избили, проявив лакейский норов,
Он отлежался, выживший до утра,
И тут к нему вдруг залетает утка.

«Я слушаю, – твой крик понятен мне», –
сказал больной.

«Вчера я на земле
Нашла кольцо красивое такое!..

и склонула...

Теперь внутри всё ноет...»

Возрадовался он...

Из живота

Той утки перстень выдавил... И та,
Счастливая, на волю улетела.

А он пошёл к ханше...

Та, взревела:

«Глянь! – уткой прикрывается, хитрец!
Ты сам украл!.. Теперь тебе конец!»

И к мужу побежала... Ну а тот

Пред женским криком выстоять не смог.

О, женщина! – зачем так вертишь мужем? –

Как будто он тебе уже не нужен...

Старинная пословица мудра,

Что от добра не жди себе добра.

Не верится, что, может быть, и хан

Не против был убрать слугу и сам –

Поскольку тот отважился посметь

Великой тайной ханской завладеть.

Для всех зевак и казнь как будто праздник,
Ведь не твоя слетает голова.

И хочется услышать перед казнью

Казнимого последние слова.

Слуга сказал в них всё, что знал о хане,

Всё – что держал правитель в строгой

тайне...

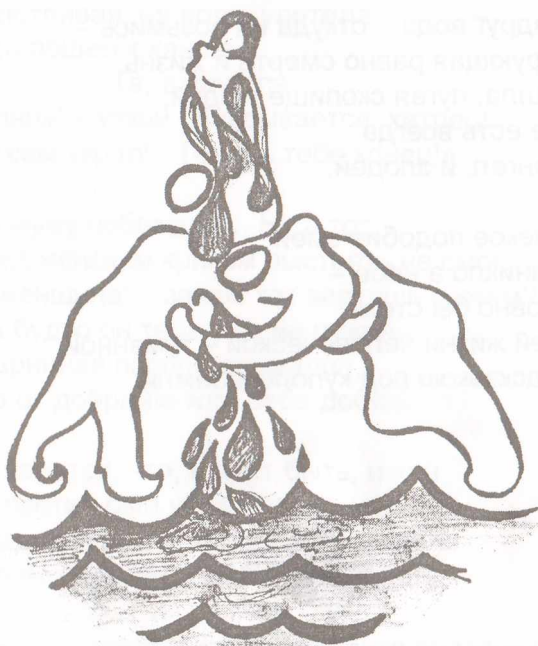

Взвихрился воздух! С неба грянул гром!
Все люди сбились в кучу, то бишь – в ком!

И вдруг вода – откуда ни возьмись –
Дарующая равно смерть и жизнь,
Пошла, пугая скопище людей,
Где есть всегда
И ангел, и злодей.

И некое подобие змеи
Возникло в небе –
Словно бы стези
Всей жизни человеческой – туманной
Подсказкою под куполом Земли.

КУНГЕЙ И ТЕСКЕЙ

Перевод **Т. Осмонова**

Давным-давно, в минувшие века,
Как старики нам в сказках говорят,
Джигита жили два – Кунгей, Тескей
Веселые отважные сердца.

Жила тогда ж красавица одна,
Как лебедь белая – стройна, светла,
И нравом добрая, и голосом нежна –
Иссык-краса – влюбляла всех в себя.

С луной сравнить – прекраснее луны,
И солнцу не заметить её красоты.
Кто только ни просил её руки,
Лишь слово: «Нет», – услышать все могли.

Кунгей с Тескеем тоже влюблены,
Горя любовью, едут к ней они,
И шлют сватов к ней – каждый от себя –
Горит огонь надежд в сердцах у них.

Любви загадочна, таинственна судьба –
Вдруг вспыхнет – словно после
льда весна –

Так полюбила разом двух джигитов
Иссык, девичью честь в душе храня.

Как выбрать ей? Измучилась душа.
Кто лишний здесь? Не ведает она.

Кунгей с Тескеем – оба ей милы,
И кто ж из них – один – её судьба?

Всё ждут джигиты, а ответа нет,
За вечером опять идёт рассвет...
Не выдержали храбрые сердца –
«Так деву будем мучить дальше?! Нет!!!

Кто лучше – тот сильнее должен быть,
Что тут гадать – лишь в схватке победить!»
Схватились яро – зрители дрожат –
Тот, кто падёт – тот должен уходить.

Из-под копыт летели искры у коней,
Без страха налетают – кто сильней?!
Схватясь, взрывают землю всю вокруг,
Друг друга не осилить – звон степей!

Земля дрожит, скал треск стоит вокруг,
Как гром грохочет – то сердец их стук.
Ради любви шли храбрецы на смерть,
Чтоб честь спасти от поражение мук.

Не выдержала дева этот бой,
Чтоб их спасти, и, жертвуя собой,
Меж ними пала озером большим,
Окутав всех печали пеленой.

Глазам не веря, замерли бойцы,
И в камни обратились вдруг они.

Так горы родились – Кунгей, Тескей,
Что охраняют озеро в тиши.

Но горы эти, полные тоски,
Вдруг вновь хотят сразиться, как в те дни,
На озере тогда кипит волна,
Чтобы как прежде не сошлись они.

Взлетают волны, падают опять,
Чтобы тоску души у гор отнять.
И вот спокойны вновь Кунгей, Тескей –
Жалеют озеро, стараясь пыл унять.

– Таковую вот легенду я сама
От древнего слыхала старика.
Ласкаясь к двум горам, Иссык лежит,
И образ её светит нам века.

Под солнцем днём и ночью под луной
Переливается в лучах, искря собой,
Наш Иссык-Куль горячий, как слеза.
Он назван именем прекрасной девы той.

СЛЁЗЫ ПЕРИ

Мои кыргызы, множество эпох
Прошли вы насквозь множеством дорог.
Где Иссык-Куль сейчас – века назад
Была пустыня – камни да песок.

В пустыне той, на красном том песке,
Стоял дворец красивый на горе,
Из камня сложен он – высок и бел
Легенда есть о горестной судьбе

Жила в нём дева – пери, говорят,
Была она красива и светла –
Лишь с солнцем и луной её сравнишь,
Но почему-то, всё ж всегда одна.

Но красота везде всегда права.
Охотился однажды в тех краях
Джигит-охотник. Пери увидал
И страстью сильной к деве воспылал.

И пери на него, смеясь, смотря,
Вдруг парня полюбила и сама.
В глазах друг друга счастье увидав,
В огне любви сгорают их сердца.

Но парню уезжать. Он говорит:
– Любимая, меня душой пойми –
Все сорок суток ты должна не спать,
Как выдержишь – я буду твой опять.

И тридцать девять дней она ждала,
Глаз не сомкнула, счастье берегла.
Но вот пришёл проклятый день последний –
Вдруг дева задремала у окна.

«Последний миг опаснее всего», –
Так говорят, – здесь чёрт возьмёт своё.
Лишилась в этот день она любви –
Где есть конец – нам, знать, не суждено...

На сорок первый день он прискакал,
С коня слетел и к пери подбежал,
Но вдруг увидел – дева пери спит,
Он замер и, нахмурившись, сказал:

– Прощай теперь. Ты слову не судья.
Сгорит теперь пускай душа моя.
Меня опять ты не увидишь больше –
И, молча вновь вскочил он на коня.

Проснулась дева, солнце клонит вниз.
Уж поздно. Вечереет, всё молчит.
Увидела вдруг на песке следы,
И поняла: уехал уж джигит.

Так потеряла девушка любовь,
Тоска сжимает сердце пери вновь.
И слёзы тут полились, как река,
И дни, и ночи льются, как вода.

Любовь её чиста была всегда,
И слилась с ней горячая слеза –

От этих двух тяжёлых ран души
Образовалась озеро тогда.

Пустыню всю залила тут вода,
Поднялась выше белого дворца,
Разлилась вширь – не видно берегов,
Собой всё топит шумная волна.

Родился Иссык-Куль от слёз любви,
Купайся, если хочешь, до зари,
Но пить нельзя – солёная вода. –
Тот вкус тех слёз, что море родили.

Шумит, ласкаясь, белая волна,
Песок на берегах – пустыня та,
Как бесконечна тема о бессмертии,
О, сколько в мире сказок и секретов?!

Об Иссык-Куле столько сказок есть,
А кто нам тайны сможет перечесёт?
Нет в мире вечном вечного у нас,
Иначе в сердце кто б мог вечность несть?!

Как жизнь прекрасна, как она ярка!
Как поздно ценность видим мы подчас,
А люди сожалеют лишь о прошлом,
Не зная – жизнь даётся нам лишь раз!

Джигита не найдя, рыдала пери,
Узнала горе и разлуки цепи,
И на горе Тастар – Ата сейчас стоит,
Как памятник любви, уйдя в гранит.

ЧОЛПОН-АТА

Кыргызы – дети гор великих –
В истории веков закреплено.
Родившийся в горах народ великий
Считает горы родиной давно.

Кыргызам горы – вечная обитель,
Кыргызы горы называют «сердцем»,
И слава богатырская всё выше –
Легенду древнюю услышите и поймите.

* * *

Жила в те древние века Чолпон – краса –
Под тонкими бровями – огонь – глаза,
Народа эта дочь росла, цвела,
И выросла красавицей она.

Сердца все покоряла её звезда,
Пленили души все её глаза,
В Чолпон влюбились два богатыря,
Готовые за взор её убить себя.

Один Санташ – стремительность орла,
Другой Улан – тигриные глаза,
Пришли они из разных двух народов,
И между ними спор – её судьба...

Своих народов лучшие сыны,
Отец той девушки увидел – оба львы,
Не знал он дочь кому отдать из них,
Когда пришли просить её руки.

Решили битвой разрешить тот спор,
И вышли с саблями – один, другой –
Рубились долго, кровь текла рекой,
Их схватка как пылающий огонь.

Одежда рваная висела вся на них,
Тела в крови, изранены они,
Но оба яростно старались победить,
Добиться силой чести и любви.

Смотря на них, не выдержал народ,
В сражение кинулись рода за своего,
Со скрежетом пошла большая рубка,
За честь дрались, не видя ничего.

И испугалась тут Чолпон – вдруг кто умрёт,
А не умрёт, как трус побит людьми,
И чтобы успокоить весь народ,
Рванула сердце дева из груди.

«Что мне за жизнь – меж счастьем и бедой?
Что будет с бедною моей душой!» –
Сказала так и, чтоб унять всю боль,
Себя убила в честь любви большой.

Рыдал отец несчастный...
Остановилось сердце в той беде...
Народ собрался весь... И на горе
Отца и дочь похоронили в тишине.

Земля печальная забрала их себе,
Отец и дочь на гордой той горе,
И с тех пор звалась она всегда –
Гора печали и любви – Чолпон –Ата.

Народ рыдал по деве той,
Батыры плакали по деве той
И слёзы те горячие слились
И озером великим разлились.

Но не унялась старая вражда –
Санташ с Уланом в битве навсегда.
На юге и на севере они
Стоят как две враждебные горы.

Над озером проносятся века,
Назвали его Иссык-Куль тогда...
И манят к себе вечно берега,
И сказке, столь прекрасной, нет конца.

У Иссык-Куля плещущегося,
На берегах песчаных сказка вся,
Услышать хочешь сказки сей сюжет,
Спроси у волн, и ты услышишь их ответ...

Чолпон Санташ с Уланом не забыли,
Века прошедшие их гнев не остудили,
И оба, в ветры превратясь, летают,
Воют – падают и вверх взлетают.

Их безответная любовь дала им силы,
И в ярости печальной полюбили
Они наш Иссык-Куль, летя над ним,
Сшибая волны в гнев и любви.

Бьёт с Запада Улан, прищурясь гневно,
Санташ с востока отвечает плетью.
Чолпон-Ата – всегда здесь место встречи,
Здесь лишь война – и о другом нет речи.

Вздываясь, волны рушатся на берег,
И вновь таранят в бешенстве и пене,
Шумя, взлетают ввысь, сшибаясь яро,
И бьются волны дико и упрямо.

Как горы, бьются здесь волна с волною,
И, закатив рукав, здесь бьёт наотмашь
Волна, как богатырь, – летят лишь брызги,
И нет спасенья здесь невинной жизни.

Так горе той любви горит упрямо,
И долго буря бьётся в битве рьяно,
И, кажется, по сей день не угасла
Обида древняя Санташа и Улана.

УЛАН И САНТАШ

Века назад, там, где держали горы
Свод неба на себе, жила в селе
Прекрасная лицом и нравом дева,
Что красотой манила всех к себе.

С луной сравнить – она луны прекрасней,
А солнца блеск затмят её глаза,
И чтобы имя было подходящим
Её назвали гордо – Канышай.

Но не красой лишь всех манила –
Чувствительна, ясна умом, мудра,
И старших почитанием пленила,
И уважали все ее всегда.

С почтеньем к старшим обращалась дева
И младших понимала и жалела,
И милосердным своим нежным сердцем
Безгласный скот заботою пригрела.

Когда же подросла, невестой стала,
То сваты обступили её дом,
Но дева ничего не обещала,
Даже хвастливым гордым богачам.

Слух о красе её пошёл по всей земле,
Через Джеты – Огуз спешит Санташ,
Богом оставив, на гнедом коне
Летит Улан к своей любви-звезде.

И оба – храбрецы и удалцы!
Как лезвия клинков – легки, остры,
Не отступали в жизни пред бедой,
В горячей молодости ярые бойцы.

Влюбились оба в деву Канышай,
Друг другу не уступят той любви,
И чтоб себя любимой показать,
Чтоб лучшим быть – всё сделают они!

В стрельбе из лука, в скачках и борьбе
Непобедимые в своей земле,
Сцепились яро в схватке как нигде,
Чтоб здесь – иль победить, иль умереть!

Признала Канышай богатырей,
Судила поединок как могла,
И в справедливой равной той борьбе
Серебряный с них пот тёк, как вода.

В душе великодушны и добры,
Травинку не обидят, всегда
Почтительны с людьми,
Оплот для младших, крепкий как скала.

Нет ненависти в них как у врагов,
Сражаются, но злобы нет в душе,
Не только Канышай, но даже скалам
Смотреть приятно на богатырей.

Как долго выбирала она имя,
Но нет – не сможет – оба хороши,
Но сердце бьётся в Канышай так сильно:
Улан? Санташ? – не может всё решить.

И тут приходит ей одна идея –
Находит мастера искусного она –
Узорную доску вырезал умело
И девять лунок гладких на краях.

Чтоб кто-то победил из них без боли,
Придумала им правила игры:
Две чаши вырезать для них велела
И в каждый 81 шарик положить.

Придумала игру так Канышай –
Так родилась столь умная игра,
Которую «Тогуз коргоол», забрал тебя!
И дни, и ночи львы должны сидеть!

Сжав крепко душу ради Канышай,
Катали шарики два тигра на доске.
«Не девка – чёрт!» – сказал об этом хан, -
Послал сватов с калымом тоже к ней.

Но девушка сказала хану: «Нет!»
От всех посулов хана отказалась,
У хана с раной в сердце ей не жить,
Она ценней избранника узнала.

Один из тысячи отмечен лишь Судьбой,
И слов медовых сватов ей не надо,
Санташ и Улан – вот для неё,
В любви лишь счастье, с ханом нету слада.

Но хан не принял это во внимание,
Не посмотрел на ум её и возраст,
Безвинных облагал всегда он данью,
И глупостью своей был врагом народу.

Ум – это уважение всех живых,
И после смерти слава бесконечна,
Те, кто утратил в жизни ум, хитрят,
Разумных слов не слушают беспечно.

Озлобил хана девы тот ответ,
Её взять силой он велел тогда.
И, прыгнув со скалы, она разбилась,
И где упала, брызнула вода.

Как серебро сверкая, тот родник
Залил водой всё – озеро родилось.
Не смовшие друг друга победить,
От волн джигиты на скале укрылись.

Не ожидавшие такой беды,
Кто ж разгадает тайны всей Судьбы?
Не выдержав крушения мечты,
Богатыри бросаются вниз вместе со скалы.

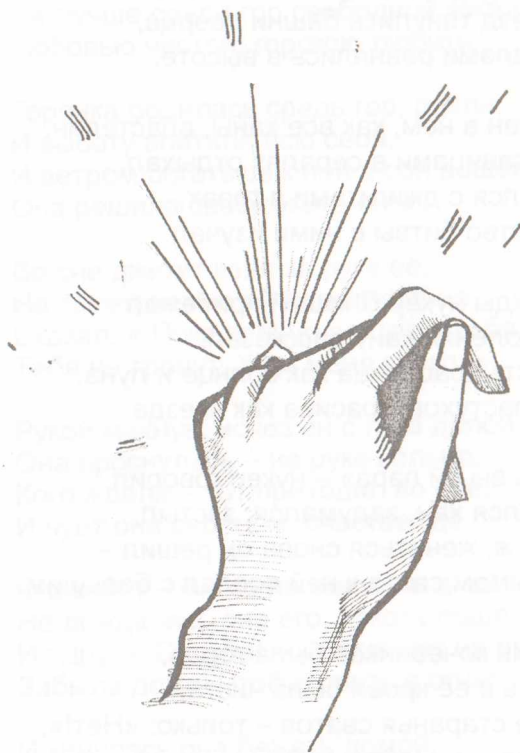
И тут же, в ветер превратясь, летят
И стонут, ищут Канышай свою,
Оплакивают всю свою печаль,
И поднимают на озере волну.

Санташ ярится, пенит всё вокруг,
Улан бушует дико рядом с ним,
И в страшной буре воют и зовут,
И озеро волнами рвётся к ним.

Художнику нарисовать нет сил
Такую бурю, этот ураган!
Санташ беснуется, от горя всё забыв,
Терзает озеро в отчаянии Улан!

Закручивают, завихряют всё,
Там горе, где погибла так любовь!
И Иссык-Куль стал родиной для них,
Санташ с Уланом ожили здесь вновь.

ГОРЯНКА, ВЕРНАЯ ЛЮБВИ

Давным-давно, в далёкие века
Стоял дворец красивый на горе,
До звёзд тянулись башни дворца,
Со скалами равнялись в высоте.

Жил хан в нём, как все ханы, властелин,
С красавицами в сералях отдыхал,
Охотился с джигитами в горах,
Искусство битвы с ними изучал.

Однажды нукер близкий прибежал
И на коленях хану рассказал,
Что есть красавица как солнце и луна,
Дочь пастухов, красива как звезда.

«Лишь вы ей пара» – нукер говорил,
Смутился хан, задумался, застыл,
И, всё ж, жениться снова он решил –
С калымом свата к ней послал с большим.

Но дочь кочевников была горда,
И честь в её крови была чиста,
На все старанья сватов – только: «Нет!»,
Для всех, кто шёл к ней, был такой же ответ.

И ханскому посланцу: «Не пойду, –
Сказала дева, – к хану твоему.
У хана много жён в его дворце,
Последней быть из них? – То не по мне!»

Ей ханшей гордой быть – душа претит,
Известно – хана гнев скалу дробит,
Уж лучше среди гор свободной жить,
Любовью чистой, горскою любить.

Горянка родилась средь гор, росла,
И высоту впитала всю себя.
И ветром богатырь к ней в сон вошёл,
Она решила сразу: «Это он!»

Во сне джигит взял за руку её,
На палец нежно ей надел кольцо.
Сказал: « Пока кольцо золотое у тебя,
Тебя не тронут. Жди меня всегда».

Рукой махнув, исчез он с глаз долой,
Она проснулась – на руке кольцо.
Кого ждала – тот приходил во сне,
И чувствует сердцем, счастье где.

Кто знает – много ль, мало ль дней прошло,
Не дождалась она его, искать пошла.
И вдруг – Судьба! – кольца нет на руке!
Забыла дома! Чтоб сгореть в огне!

И кинулась она бежать домой,
Надеясь там найти своё кольцо,
А тут джигиты хана на пути,
Она не знала, что следят они...

Эх, мир жестокий! Много здесь вражды,
Везёт пьянчуге, тяжело – любви,

Не дал ты деве добежать до счастья,
Так кончилась история ужасно...

Накинулись джигиты на неё,
Поймали и, связав её платком,
Как козью тушу бросив на седло,
Погнали лошадей в своё гнездо.

Но хан решил согласие получить
От девы той, её в себя влюбить,
Созвал танцоров, музыкантов и певцов,
Дарил ей золото, алмазы, серебро.

Хан вправду полюбил её глаза,
Но всё, что он ни делал – было зря.
Горянку трудно хану покорить,
Богатство, власть – её не удивить.

Устроил хан ей праздник каждый день,
Свободу обещал через постель,
Но дева помнила батыра своего,
Что в сон к ней приходил и дал кольцо.

Не мог купить любовь горянки хан,
Не отдала она ему себя.
Разгневался обиженный владыка,
Решил взять её женою насильно.

И стали все готовиться тут к свадьбе,
И на просторе постелили скатерть.

А дева тайно к ущелью побежала
И бросилась с горы – судьба погнала.

В ущелье вьюга сразу поднялась,
Тут грянул гром, земля вся затряслась,
И тьма настала, как глубокой ночью,
Дворец вдруг развалился на кусочки.

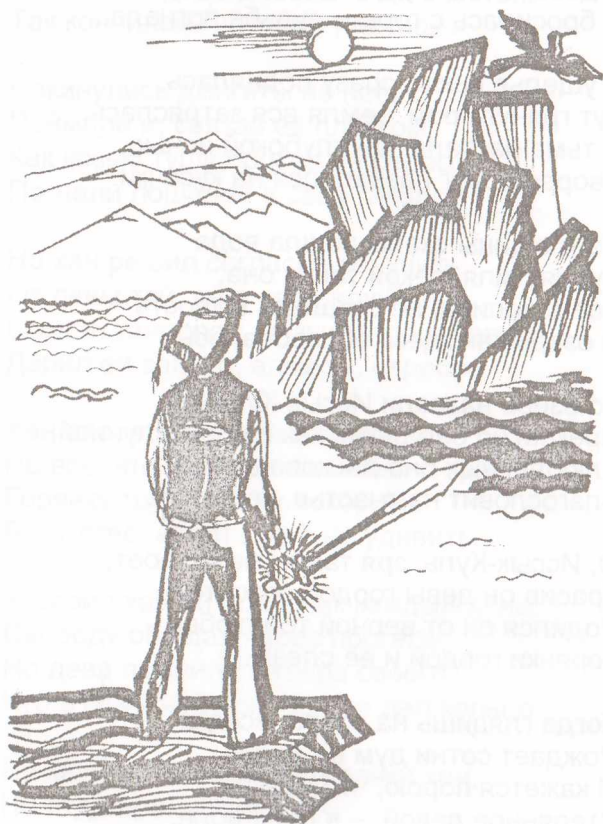
Из трещины скалы пошла вода
Бурля, кипя, рекой текла она.
Всё затопила, не осталась малость,
И озеро так здесь образовалось.

То озеро называли Иссык-Кулем,
Прекрасно оно днём, как и ночью лунной,
Влюблённых оно ласково омоет,
Благословит на счастье, успокоит.

О, Иссык-Куль, зря тайны не откроет,
Красив он девы гордой красотой,
Родился он от верной той любви
Горянки гордой и её слезы.

Когда глядишь на озеро, всегда
Рождаст сотни дум её волна,
И кажется порою, что кольцо,
Утерянное девой, – в пене волн.

Но лишь протянешь руку – не возьмёшь,
Лишь видится оно, когда плывёт.
И как одна волшебная волна –
Любовь горянки всегда.

СМЕХ КАНЫКЕЙ

В давно минувшие века
Здесь ханствовал волшебник-хан,
Его боялся весь Тянь-Шань,—
Он всем смеяться запрещал.

Жестокий хан всех презирал,
И если видел бедняка,
Что рассмеялся — превращал
В тень — в яму тут же запирал.

В те дни жила дочка бедняка,
Всем Каныкей мила была,
И, собирая раз дрова
В горах, шла радостна, легка.

С подругами здесь встретясь вдруг,
Остановилась поболтать,
И, позабыв гнев хана, тут
Вдруг рассмеялась как дитя.

И тут же превратилась в тень,
И ветер вдруг её поднял —
То Каныкей околдовал
И в яму запер злобный хан.

Был брат у неё — силён, умен,
Великодушен, добр и смел.
Решил он выручить сестру
И разорвать ужасный плен.

В печали к битве снаряжась,
С собой для боя друга взяв,
К пещере ледяной пришёл,
Где жил тот хан – и звал на бой.

Хан говорит: « Что ж, я готов.
Но правила – не изменять:
Пред боем должен каждый раз
Ты рукавицы поменять».

Джигит не знал зачем, но всё ж,
Решил он с другом – будь всё так!
По очереди биться с ним
Друзья решили: Прочь, беда!

И началось сраженье то –
Земля тряслась –
Вся изо льда,
Друзья сменялись – но нет сил,
А хан не думал устать.

Откуда силу он берёт?
Тянулся бой все ночи, дни,...
И пусть меняются они,
Джигиты падают без сил.

Сменил друг брата Каныкей,
Уставший, сел он отдохнуть,
И птичка тут упала вдруг,
У ног его закончив путь.

«Замёрзла» – он поднял её,
Прижал к груди, чтобы согреть,
И вдруг услышал слабый стон:
«Ру – укав...» – но ей уже не петь.

И сам джигит оледенел,
И сил уж нет, и смерть близка,
И просит хана посмотреть
Он на сестру. Согласен хан.

Из ямы деву привели,
Хан волшебством лёд растопил.
Пришла в себя тут Каныкей,
И брат прижал её к груди.

С печалью он обнял сестру,
А дева шепчет, торопясь,
Что в рукавицах сила вся –
Не надо их в бою менять.

Их надо разорвать и сшить –
И это силы даст в бою.
Задумался джигит о том
И вспомнил вдруг птичку ту.

Сестра шептала: «Есть одна
Горбатая старуха здесь,
Помочь нам сможет лишь она,
Лишь ей сбить с хана силы спесь».

Джигит за день – умом старик –
Нашёл старуху тотчас
И рассказал ей обо всём,
Почуял тут победы глас.

Старуха много прожила
И настрадалась за свой век, –
И, зная тайну, порвала
Те рукавицы – и сшила.

Джигит решил спасти народ,
Что в яме ледяной сидит,
И рукавицы те одев,
Хребет слону он мог сломить.

На ледяное поле вновь
Он вышел – хана начал бить,
И, видя силу храбреца,
Хан дрогнул, понял: счастье – жить!

Вся сила хана убyla,
Но дрался он, как прежде бил,
Но чувствовал – джигит сильней,
Жалел, что сразу не убил.

И вот джигит схватил его
И бросил оземь – хана крик
Потряс округу, затрещал
Весь лёд, в куски разнесся вмиг.

Злоказнённый волшебник пал,
И солнце вздрогнуло в выси,
И лёд вокруг тут таять стал –
Так сгинул смерти властелин.

А в яме ледяной ожил,
Зашевелился народ,
И солнца жаркие лучи
Там растопили мрачный лёд.

И тёплое, как смех людей,
Прекрасное, как Каныкей,
Родилось озеро из льда –
Чарующая красота.

Так, чтоб хранилась красота,
Чтоб не рождались никогда
Из льда холодные сердца,
Родился Иссык-Куль тогда.

Века минувшие давно –
Миллионы судеб унесло –
Но берегут наш Иссык-Куль
От чуждых рук, от грязных рук.

Когда рассердится оно,
Скривив от ярости лицо,
Большие волны здесь встают,
А малые к берегам бегут.

Но дивно и спокойно здесь,
В красу вместился мир наш весь,
Днём солнце синь его цветит,
А ночью месяц серебрит.

Как летом щедрым в зной густой
Проплыть легко в воде его!
А волны теплые летят,
И счастья голоса звенят.

Легко по озеру скользит —
Балует ветер-баловник,
Играет и несёт нам он
Смех Каныкей из синих волн.

ЛЕГЕНДА
О ТЕМИР-ТУНЕРЕ

В стародавние далекие века,
Когда только зародилась мать – Земля,
Окруженный неприступною стеной
Вместо Иссык-Куля град стоял.

Люди жили в граде – мастера,
Что ни сделают – во благо, на века,
И умели они ловко плавить медь
Из сыпучего зернистого песка.

Из плавильщиков был мастер мастеров –
Цвет джигитов и отважней грозных львов,
В граде жил Темир-Тунер, и вот ему
Счастья птица опустилась вдруг на кров.

Вызвал хан его к себе, помог тут Бог,
И за труд его, за честность, за любовь,
С радостью сказал, что отдает
Ему в жены младшенькую дочь.

Это было счастье и судьба,
Есть ли тот, кто здесь не скажет: «Да»?
Показалось тут ему, что видит сон,
В жизни лишь любовь его вела.

Уж давно любили так они,
Что сердца горели от любви.
Хан-отец, душой о том узнав,
Свёл желанья сердца молодых.

Нет преград для счастья в их любви,
Зори, вечера – летели дни,
Всё согрела их Любовь собой,
Мир прекрасным видели они.

Дни за днями – от любви они пьяны,
Радость – и в сердцах весна у них,
Молодости ранняя пора
Никогда не видит мир плохим.

Радостью Темир -Тунер живет –
Мыслей сладостных поток в душе течет.
Но вдруг проклял Бог, и вскоре хан
Слово свое, словно вор, назад забрал.

В город, медью славный, вдруг прислал
Своего визира турков шах...
Сделал ненасытным хана он,
Задарил его деньгами, серебром.

Ох, хитёр турецкий тот визирь,
Деву ту лишь глазом зацепив,
Тихо хану он дает калым...
Как узнал Темир-Тунер – ни мёртв, ни жив!

Люди, что прислала хана дочь,
Опустив глаза, стоят как ночь...
Хан бесчестный слова не сдержал:
Смерть одна – он сто раз умирал.

В ярости летел храбрец к дворцу,
Гнев впервые искажил лицо,
Даже горы дрогнули пред ним,
Не остановить его в пути.

О-о, Судьба – там горе, а здесь месть.
Для него – разрыв с любимой – смерть!
А любовь как кожа, что змея
Скинула, лишь яд везде, как лезть.

Мужество в огне его души.
Вот перед дворцом уж он стоит,
Башня высится – не видно высоты,
Злость кипит, бурля, в его крови.

Вот он на вершине башни той,
Вот в покоях – дева спит его,-
Здесь визирь – кинжалом, не щадя,
Бьет он в сердце сильною рукой.

Сон иль явь – визирь, дрожа, глядит,
Только вскрикнул, умирая, и затих.
Стражники, услышав этот крик,
Выломали дверь и ворвались.

Что им, стражам? Видят нож и кровь,
Что за дело им, что есть любовь?
Вмиг срубили голову ему,
Тело бросили в окно, во тьму.

А невеста тут лишилась чувств.
Солнце брызнуло рассветные лучи.
Шлем из меди, что носил Темир-Тунер,
Рядом с девушкой лежал в тиши.

А на площади у тела храбреца
Стёкся люд, стеноя и крича,
И от слёз народа и от горя
Затряслась и треснула земля.

А народа слезы потекли
И ущелье, горы залили.
Сель тут сорвалась и понесла,
Вмиг, не схватишь, тело унесла.

Дева бросилась искать его тогда,
Город затопила уж вода,
Вдруг увидев милого вдали,
Дева с плачем к телу поплыла.

На берегах уж вечер задремал,
Мрак кромешной тьмой её объял,
Но от шлема медного лучи
Полились вдруг, путь ей осветив.

И при свете девушка нашла
Милого и, плача, обняла,
Слезы горькие горячие лила,
И с любимым под воду ушла.

Так прошли бессчетные века,
И забылось имя храбреца.
Озеро, рожденное от слез,
Здесь зовется Иссык-Куль всегда...

В стужу не замёрзнет никогда,
Как слеза соленая – вода,
Если ж пристально ты смотришь на нее,
То вода прозрачна – как слеза.

Так о судьбах нам поют века
И о городе, что прячет здесь вода.
Светлые дорожки на воде
Здесь зовут Темир-Тунер всегда.

ГОРЯЧИЕ ИСТОЧНИКИ
ИССЫК-КУЛЯ

Проходит время... Эпохи и века
Текут струёй беззвучной, как вода.
На месте Иссык-Куля, говорят,
Стояли три колодца тайных в ряд.

Вокруг них расположен город был
Красивый и узорный, и в нём жил
Суровый хан – все падали здесь ниц,
При хане сын его жил, беззаботный принц.

Ему здесь интересно всё вокруг
И лишь колодцев вид ему не люб.
А хан-отец о сыне и забыл,
И он не знал, что может сделать сын.

О тайне тех колодцев знал лишь хан
И к ним чужих людей не подпускал.
Берёг их как один большой алмаз
И прятал от дурных докучных глаз.

Закрыв их крышками, замками заперев,
Хранил их, как хранит пещеру лев.
И тайну эту знать не мог никто,
Лишь хан – но кто спросить мог у него?

* * *

В том ханстве жил один босой бедняк,
Лишь сам Господь велел, чтоб было так,
И ханский сын влюбился в его дочь,
Любовь пришла и не уходит прочь.

Глупа любовь – страдания несёт,
И от беды никто здесь не спасёт.
Не думая о будущем, всегда
Страдает человек от языка.

Разгневался, узнав об этом, хан
И сына стал бранить: «Ты знаешь сам,
Что сын ты хана! Если ты забыл,
Ты продал нашу честь, себя убил!!

Остановись, пока не поздно, сын!
Не ровня с ними ты, ты – господин!
Или не жди пощады от меня,
Она не доживёт и до утра!» –

– Сказав сердито это, хан ушёл.
Слова отца принц слушал хорошо,
Но таково уж волшебство любви, -
Ради неё он всё отдать решил.

Старик поддался гневу своему,
Он верил, что он прав – и смерть всему!
Не знал он силы молодой любви –
Она бессмертна – в это верим мы.

Одну лишь ценность дарит в жизни Бог,
И имя этой ценности – Любовь...
Пусть в мире будет всё против неё,
Она сильней окажется всего!

Раз ты родился в мире и живёшь,
Пусть ошибаясь, счастье ты найдёшь...
Оценит кто за гробовой доской
Всю прелесть жизни с счастьем и бедой?

Какие были раньше времена!
Змеиный холод, в сердце сатана!
Всем правили клинок и хана плеть,
Играет сила хана: «Смерть всем! Смерть!»

О, власть – холодный взгляд и в сердце лёд–
В душе у хана черный дым и смог.
Не осветит луч солнца дно души,
Весенний ветер не развеет тьмы.

Сжимает душу черный дым, клубясь,
Безмерный мир становится как прах,
Не видя счастья сына своего,
Обрушил гнев он на любовь его.

* * *

А девушка, как белый снег чиста,
Она умна, прекрасна как луна.
Кто брезгает любовью – кто он есть?!!
Кто судит о любви? И где тут честь?

Любовь – царица всех сердечных чувств,
Всей жизни красоту откроет вдруг.
Откуда же у ней тогда враги,
Что издревле так злобны и мрачны?!

Вселенная сама полна всего:
Здесь черно-белое добро и зло,
Богач – бедняк, хороший и плохой,
Здесь горько – сладко, трудно и легко.

Вселенная сама – две стороны:
Здесь жизнь и смерть, – и нет всему цены.
Судьба – прекрасная широкая река,
Не разбегутся, не сольются берега.

Забыв про всё и душу сжав в комок,
В судьбу свою поверив, сколько смог,
Сказал принц хану твердо: «Я люблю»,
И хан тут закричал: «Убью! Убью!»

И приказал он слугам взять её:
«Отправьте без возврата с глаз долой!»,
Что означало: «Голову срубить», –
Такого никому здесь не забыть.

И покатилась девы голова,
И там, где с острой сабли кровь стекла,
Ударили горячие ключи...
Народ в испуге смотрит и молчит.

Но страшное их ждало впереди:
С колодца вдруг замок упал в тиши,
И из него бурлящая вода
Ударила фонтаном – залила

И горы, скалы, затопило всё...
И хан погиб, и сын, и весь народ...
С тех пор сменилось в мире сто эпох,
Вода же всё стоит, — прозрачна вновь.

Так зародилось озеро у нас, —
Со временем просторно разлилось.
А там, где в землю девы кровь ушла,
Горячими ключами бьёт вода.

Той девушки безвинной кровь дала
Воде целебность — так слыхала я.
И это потому, что для людей
С весной в душе — не будет зимних дней.

Красивый берег озера манит
Людей всегда — здесь сёла, города...
За то, что озеро не мёрзнет и зимой,
Народ назвал его: «Горячею водой».

И имя — «Иссык-Куль» — его всегда
Нам говорит о тёплых родниках.
Зимой тепло здесь, а в жару прохладно,
Весь мир глядит на озеро отрадно.

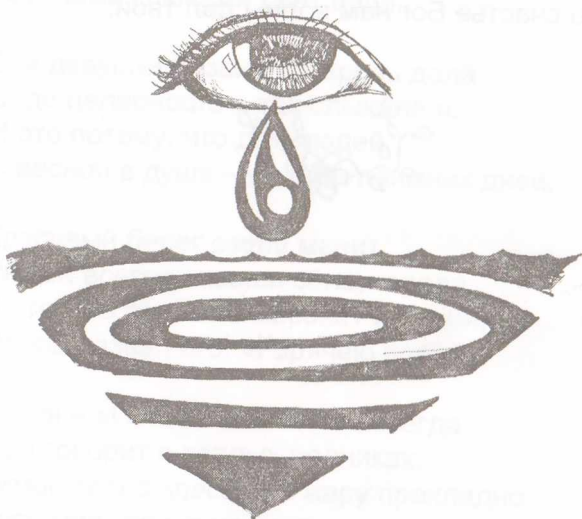
О, Иссык-Куль, родной, как ты велик!
Как ты глубок, прозрачен и красив!
Ты безграничным кажешься, глаза
Не видят берег твой другой издалека.

Когда к тебе я езжу, ты всегда
То удивишь, то восхитишь меня.
Моё лекарство – тёплые ключи
С радушием хозяйки даришь ты.

Неописуема словами красота –
Волшебные рассветы, вечера –
Брильянты меркнут – что ни говори –
На счастье Бог нам волны дал твои.

ИССЫК-КУЛЬ,
РОЖДЕННЫЙ СЛЕЗАМИ

Как время быстро протекает:
Рассвет...Закат любви...Всё тает...
Лишь человек всё понимает –
Что жизнь проходит – он лишь знает.

Нет равных пальцев на руке –
Не одинаково везде –
Весна у одного цветет,
Другому душу камень гнёт.

Жар слёз иной раз душу жжёт,
Путь жизни прямо не идёт.
Не оттого ли мы всегда
Ждем с нетерпением утра?!

Хотим решить секрет любви,
Но, не решив, ждем смерти мы...
Кто в жизни не желает быть
Любимой и самой любить?!

Подняв оружие любви,
За счастье будем биться мы.
О, сколько сгинуло людей,
Не спасших свет любви своей.

На этом жизненном пути,
Любовь спасая от Судьбы,
Наплавав озеро в печали,
Жила красавица в молчанье.

Днем солнце, ночью месяц светят,
На дне прозрачном град осветят.
Так от горячих слез любви
Родился Иссык-Куль в тиши.

* * *

Давным-давно, в веках жила
Здесь дева краше, чем луна,
Дочь хана – солнце улыбалось,
Когда она легко смеялась.

В те времена суровый хан
Здесь жил – безжалостен, упрям,
И думать он не мог тогда,
Что дочь полюбит бедняка.

Но дочь влюбилась в бедняка,
Откуда знать она могла,
Что встретит горе? Столько дней
Сгорала на любви огне.

И юноша весь в счастье был –
Как обнимал! И как любил!
Но как пойти просить жену?
У хана – дочь отдать ему?!

Ах, бедность – смерть его мечтам!
Душа горела: «Я – слуга!»...
Как нищему просить жену?
Без крыльев как взлететь ему?

Бесстрашен он – душа горит,
Пусть нет еды – надеждой сыт.
«Неровня – скажут», – думал он,
«Так пусть – неровня!» – думал он.

«Ах, руки коротки мои!» –
Он горевал от бедноты.
И, полон дум печальных, он
Сидел в безмолвии людском.

А девушка ждала его,
Лелея счастье своё.
Хотела бросить всё, идти
За ним – к любви своей придти.

И вот, проплакав тихо ночь,
Собрав всю смелость, хана дочь
Решила всё отцу сказать,
Пусть он накажет – рассказать!!

Но страх сжимал ей сердце всё –
Следила за отцом тайком,
И вновь себя преодолев,
Отцу сказала всё как есть.

Такой беды не ждал наш хан,
Метнули молнии глаза,
От гнева затряслась земля,
Все замерли вокруг, дрожа.

«Босяк безродный – этот пёс!
Я сам найду тебе любовь.
И имя ты его забудь!
Я знаю, кто твой будет муж»,—

Так хан сказал. Кроме себя
Не видел он. В душе гроза.
Построив башню на горе,
В ней запер дочь свою во тьме.

Разбилась светлая любовь –
И слезы льются день и ночь,
Шум ветра перекрыл тот плач,
Нет горше плача, чем тот плач!

Нет горше плача, чем тот плач,
Наполнил башню горем плач!
И за ночь озером залил,
Слезами город утопил.

Нет горше плача, чем тот плач,
Пронзил мир криком горьким плач.
От горя высохли глаза,
И жизнь ей стала не нужна.

И бросилась она тогда
В слёз озеро, к своим мечтам,
К любимому – на дне лежал,
О, мир! Ты счастья ей не дал!

А озеро росло, росло,
Тянуло волны к склонам гор.
Горячих слёз любви оно,
Солёных слёз было полно.

Неизлечима та любовь,
И в ней величье встретишь вновь.
Прекрасно озеро порой,
Как дева из легенды той.

Любовь – нет выше высоты,
Любовь – как совершенна ты!
На благо дарится Судьбой
Счастливым людям образ твой!

Как много минуло веков,
И берег озера давно
Заселен сёлами людей
Хранящими от порчи всей.

Как мать им Озеро всегда,
Здесь совершенна красота,
Кыргызы у подножья гор
Хранят наследие веков.

Нет силы победить Любовь,
И Иссык-Куль велик наш вновь!
Поддержит он мечты добра,
Ко злу вскипает в нём вражда.

Храни нас Бог продать его...

Без нас кто сохранит его

От грязи светлое лицо?

Как око, сбережем его.

Когда-то слёзы, говорят,

Родили озеро. Глаза

Той девушки на нас глядят

Из волн, что тихо шелестят.

Когда поднимется буран,

И ветер гонит ураган,

Средь грохота могучих волн

Вдруг слышишь девы тихий стон.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
----------------------	---

Глава 1

СТИХИ ДЛЯ ТЕБЯ

Как ты прав!	8
Ниспослан ли ты был для меня?	9
У реки	10
Вослед словам отца	11
Нечто о тумане	11
Серебряная ива	12
Взгляд в прошлое	13
О Есенине	13
В пути	15
Тому, кто в моем сердце	16
Зелёная куртка	17
Позднее раскаяние	17
От заката до рассвета	18
В предзимье возле Арашана	19
Препятствия	20
Слова Алыкула	21

Одиночество	22
Два урюковых дерева	22
Ночное озеро	23
Лунная дорожка	24
Дерево у пляжа	25
Волны	25
Золотой мост	26
Исповедальное	27
Чертоги чувств	28
Одинокое сердце	29
Наш мир – художник, посмотри	29
Твоими смотрит на меня глазами	31
Я хотела всё забыть	31
Люблю твои волны	32
Встреча вечера	32
Синяя рубашка	33
Грозное озеро	34
Дороже твоя дружба мне любви	35
Солнечный Нооруз	36
Ысык-Куль – озеро Алыкула	37
Ты не встретишь так	38
Камень	39
Твои глаза глядят всё на меня	40
Как разбросаюсь – кто всё соберёт?	40
Где вплетены в судьбу честь и любовь.	41
Для трудностей рожден ли человек.	42
Тоска	43
Белый свет	43
Закат, похожий на рассвет	44
Крючок	45
Вселенной, заполнившей мои зрачки	46
Время, когда мы не знаем	46

Я на тебя застенчиво кошусь	47
Сиянье глаз твоих так велико	47
Дороги	48
Сердце чувствует, ум где молчит	49
Манасчи	50

Глава 2

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИССЫК-КУЛЬ

Дочь озера – мать кыргызов	61
Красавица и злодей	77
Загадочный хан	81
Рогатый хан	85
Мудрец, спасший народ	90
О бездетном хане и двух его жёнах	94
О белой змее и говорящих птицах	100
Кунгей и Тескей	106
Слёзы пери	110
Чолпон–Ата	114
Улан и Санташ	119
Горянка, верная любви	125
Смех Каныкей	130
Легенда о Темир-Тунере	137
Горячие источники Иссык-Куля	143
Иссык-Куль, рожденный слезами	150

Литературное издание

ЧОТУРОВА БАКТЫГУЛЬ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИССЫК-КУЛЬ

Ответственный редактор *Кален Сыдыкова*

Редакторы *Мырзаян Толомушов, Татьяна Вепренцова*

Художник *Кыял Аккучукова Тургунбек кызы*

Дизайн обложки *Мырзабек Кадыров*

Корректор *Лариса Сапего*

Компьютерная верстка *Раи Терибаевой*

На верстку 12.04.2008. Подписано в печать 25.07.2008.

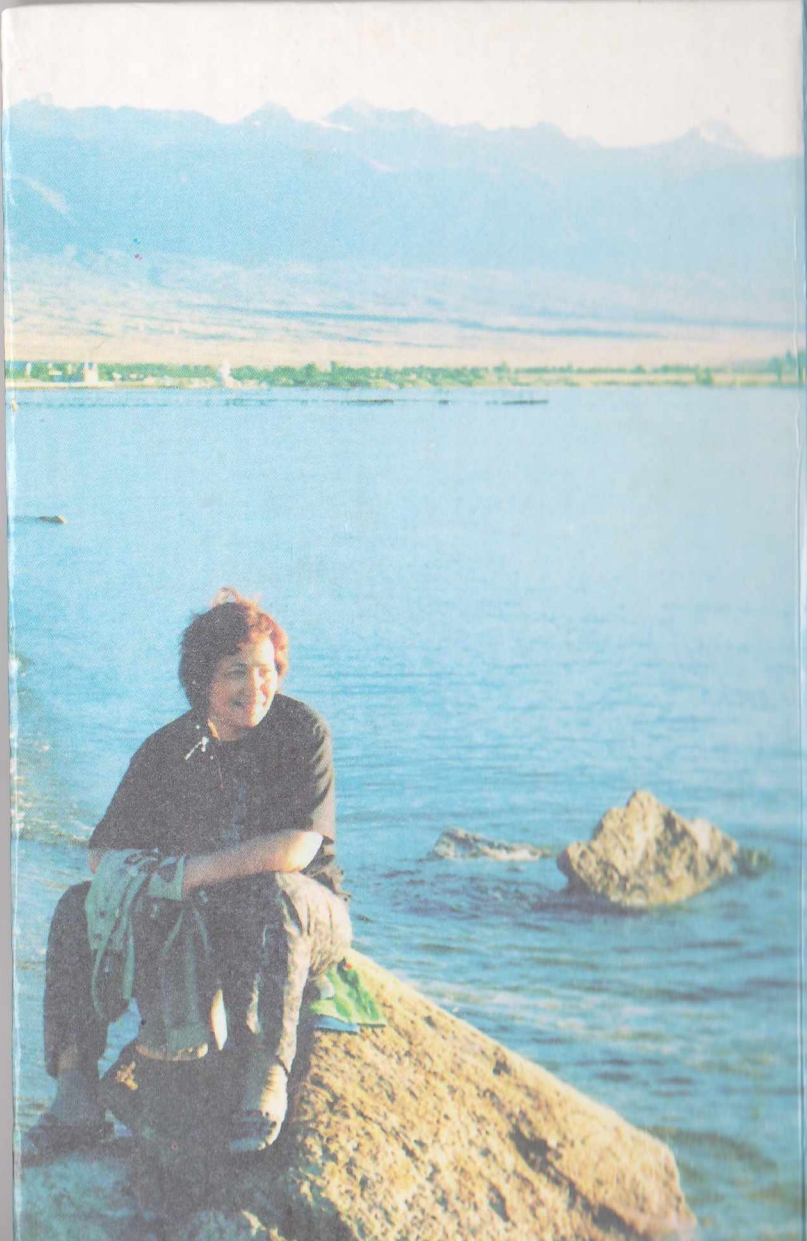
Формат бумаги 70х90^{1/32}, 10,0 п.л. Заказ 63.

Тираж 1000.

Издательство «Бийиктик»

г. Бишкек, ул. Ю. Абдрахманова, 170 «А»

тел.: 66-75-56, 66-75-58

Бактыгуль Чотурова ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИССЫК-КУЛЬ